Мудрость палача

Автор:
Чингиз Абдуллаев

Мудрость палача

Чингиз Акифович Абдуллаев

Дронго #31

Группа мятежных офицеров захватила командный пункт управления межконтинентальными ракетами... Главу государства хватил удар... Близятся президентские выборы – кто станет новым лидером державы, уже ни для кого не секрет. Страна на пороге ключевых перемен. В воздухе витает нечто будоражащее и опасное. Все замерли в ожидании... И только несколько человек методично готовятся изменить естественный и очевидный для всех ход истории. Это им вполне по силам. Тем более что все можно решить одним-единственным выстрелом. Суперкиллер уже получил заказ, его ожидает огромный гонорар. И даже когда информация о заговоре становится достоянием спецслужб, ничего уже нельзя изменить. Механизм запущен, обратной дороги нет. Профессиональному убийце экстра-класса можно противопоставить только специалиста столь же высокого уровня. И такой человек находится – это эксперт-аналитик Дронго.

Чингиз Абдуллаев

Мудрость палача

Та страна, что могла быть раем,

Стала логовищем огня...

Николай Гумилев. «Наступление»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ СЕМЬ ДНЕЙ

День первый. Воскресенье. 10 июня.

Он пристально, не отрывая взгляда, смотрел на быстрое течение. Все было как обычно. И день, и год, и век назад река так же стремительно несла свои воды, словно опаздывая на свидание с озером. Ему нравилось смотреть на этот быстрый поток, ставший неким символом человеческой жизни и быстротечности самого времени.

– Миша, – вывел его из раздумий голос жены, – Миша, тебя к телефону.

Он повернулся. Недовольно наморщив лоб, оторвал взгляд от воды. Его раздражали эти неожиданные звонки, мобильные телефоны, все эти технические новшества, которые могли достать его в любой точке, бесцеремонно вторгнуться в его жизнь. Вздохнув, он подошел к телефону и недовольно взглянул на жену.

– Нужно было сказать, что меня нет, – тихо заметил он.

– Они говорят – это срочно, – сделала большие глаза жена.

– Слушаю, – с досадой сказал он в трубку. Ему казалось, что уж сегодня-то ему удастся спрятаться ото всех, уединиться на этой речке, знакомой с детства, спокойно отсидеться в воскресный день с удочкой в руках. Он даже сумел обмануть вездесущего адъютанта, оставив его на даче дежурить у телефона прямой связи.

– Михаил Борисович, – донесся до него взволнованный голос начальника Генерального штаба, – у нас ЧП.

Даже если бы начальник Генштаба не упомянул о ЧП, то по его испуганному взволнованному голосу министр обороны все равно догадался бы, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

– Ну что там еще? – рявкнул в трубку маршал.

– Я нас… у нас ЧП, – пробормотал генерал, – вы можете вернуться на дачу?

По мобильному телефону запрещалось вести секретные разговоры. Слишком хорошо все знали, что прослушать их не составляет никакого труда. Маршал нахмурился. Из дома уже бежал адъютант.

– Черт знает, что происходит, – зло процедил министр обороны, оборачиваясь к адъютанту.

– Удочки собери! – крикнул министр на ходу и поспешил в дом. От быстрой ходьбы у него бешено заколотилось сердце и перехватило дыхание. Нужно почаще плавать в бассейне, подумал он, и вообще больше уделять внимания своему здоровью.

Он наконец дошел до дома и почти бегом направился к аппарату правительственной связи, мельком увидев испуганное лицо домработницы.

– Я слушаю, – сказал он, сдерживая дыхание, – что там у вас случилось?

– Сообщение из Сибири, товарищ маршал, – доложил начальник Генерального Штаба, – полтора часа назад в Дятлово захвачен командный пункт управления межконтинентальными ракетами.

– Кто захвачен? – не понял министр. – О чем вы говорите? Кто его мог захватить? Террористы?

– Мы получили донесение из Новосибирска, – выдохнул начальник Генерального штаба, – и тоже сначала ничего не могли понять. Но это не террористы. По

предварительным сведениям, которые нам передали из штаба округа, несколько офицеров-ракетчиков заперлись в командном пункте и требуют командующего.

– Как это требуют? Как это заперлись? Вы понимаете, что говорите? Вы с ума сошли! – возмутился министр. – Такого просто не может быть.

– Это произошло в Дятлово, – повторил начальник Генерального штаба, – вы помните, мы дважды продлевали там срок эксплуатации и хранения ракет. По сведениям из Новосибирска, в одной из пусковых шахт началась реакция. Офицеры потребовали вызвать командующего, но командир полка отказался. Вот с этого все и началось...

– Перестаньте, – он все еще не мог поверить в случившееся. – При чем тут сроки? Офицеры не могли пойти на такое безумство! Это же прямое нарушение присяги... – Он почувствовал, как начало покалывать сердце. Голову сдавило, она налилась свинцовой тяжестью, очевидно, подскочило давление.

– Я вас проверенные данные? – спросил министр.

– Так точно, Михаил Борисович, – генерал явно волновался, – командующий ракетными войсками уже вылетел на место происшествия. Он сейчас находится в воздухе. По команде с земли мы подняли наши самолеты. Требования нам пока не известны, командный пункт в Дятлово на наши запросы не отвечает.

– Там же рядом поселок, – выдохнул, задыхаясь от гнева, министр.

Начальник Генерального штаба молчал так, словно чувствовал личную вину за случившееся.

– Высылайте машину, – приказал министр, – и приготовьте мой самолет. Что еще сообщили из Новосибирска? Почему они захватили командный пункт?

– Мы уже несколько месяцев как прекратили финансирование объекта в Дятлово, – напомнил начальник Генерального штаба, – вам известно, что офицеры уже несколько месяцев не получают зарплату. Ракетчиков из Дятлова еще в прошлом году должны были перевести на другую базу. Но из-за недостатка средств было принято решение продлить срок их службы на

прежнем месте. Михаил Борисович, люди просто не хотят там больше служить. Они понимают, как это опасно. В любой момент...

– Хватит меня агитировать, – разозлился министр, – решение принималось на коллегии министерства. Вы тоже были там и высказали свою точку зрения.

– Так точно, – согласился начальник Генерального штаба.

– Я сейчас приеду, – министр собирался уже положить трубку, когда его собеседник осторожно спросил:

– Вы сами будете докладывать Президенту, Михаил Борисович, или это сделать мне?

Министр нахмурился. Вообще-то о подобных происшествиях он обязан был докладывать Президенту лично. Он представил себе, какой разговор его ожидает, если он позвонит Президенту. Нужно будет объяснять, почему ракеты не сняли с боевого дежурства еще в прошлом году, почему он дал разрешение на вторичное продление сроков хранения ракет, способных стереть с лица земли целый город. Как могло так случиться, что его офицеры пошли на неслыханное нарушение присяги, захватив командный пункт и отказываясь от несения службы, хотя они понимают, что Дятлово может стать одной общей могилой и для них, и для их семей, а масштаб катастрофы может в десять раз превысить Чернобыль. В общем, ясно, что ничего хорошего от разговора с Президентом ему ждать не приходится. С другой стороны, позволить начальнику Генерального штаба напрямую выходить на Президента – небезопасно, так можно своими собственными руками подготовить себе скорую замену.

– Я доложу сам, – ответил он генералу, – держите меня в курсе дела.

Он дал отбой, поднял трубку телефона прямой связи с Президентом. На часах было десять тридцать. Наверняка Президент уже проснулся. Ждать, однако, пришлось долго. Один звонок, второй, третий, четвертый... В другое время министр наверняка положил бы трубку, чтобы не беспокоить Президента. Но сегодня было не до этикета. Он обязан был дозвониться.

Наконец он услышал в трубке тяжелый голос:

– Слушаю, – сказал Президент.

– Извините меня, – выдохнул министр обороны, – у нас случилась неприятность, и я вынужден был вас побеспокоить.

– Какая еще неприятность? – не понял Президент. – О чем вы говорите?

– Сегодня утром у нас сложилась чрезвычайная ситуация, – министр говорил, осторожно подбирая слова, – одна из наших пусковых установок МБР дала течь, очевидно, произошла авария, которая вызвала неконтролируемую реакцию. Сейчас мы принимаем меры к локализации данного объекта. На место происшествия вылетел командующий ракетными войсками...

– Подождите, – прервал ошеломленный Президент, – авария с неконтролируемой реакцией, – он умел ухватить суть проблемы, – что это значит?

– Ничего серьезного. Мы принимаем все меры к ликвидации аварии. Но несколько офицеров потребовали встречи с командующим. Мы сейчас уточняем обстановку на месте.

– Что сделали ваши офицеры? – переспросил Президент.

– Они требуют встречи с командующим, – покрываясь мелким бисером пота, объяснил министр. – Это неконтролируемая химическая реакция, и они беспокоятся...

– Где находятся ваши офицеры? – уже раздраженно спросил Президент.

– Они на командном пункте в Дятлово, – доложил наконец министр, – требуют встречи с командующим ракетными войсками. Он уже вылетел на место происшествия.

– Это что же означает? – растерянно переспросил Президент. – Мало нам шахтеров, у нас теперь уже офицеры-ракетчики бастовать стали? Так прикажете понимать?

– Никак нет. Они не бастуют. Мы сейчас все проверяем на месте.

– Поздно проверяете, – рявкнул Президент, – нам только этого не хватало. Позор! И это наши офицеры! Неконтролируемая реакция, – повторил он, – а с самими ракетами ничего не случилось, они не могут с ними что-нибудь сотворить?

– Никак нет, – доложил министр, – без специального шифра и кода ракеты не могут быть приведены в действие. Они могут выйти на стартовые позиции только после соответствующего приказа. А приказ применить ядерное оружие может дать только Верховный главнокомандующий, то есть вы. Офицеры это прекрасно понимают. Они требуют только встречи с командующим.

– Вам самому нужно быть в Дятлово, – явно раздражаясь, произнес Президент.

– Так точно, – ответил маршал и почувствовал, как его собеседник тяжело дышит в трубку.

– Выясните быстрее, – уже не сдерживая гнева, приказал Президент, – выясните наконец, что у вас происходит в ракетных войсках. Вы, в конце концов, министр обороны, а не... – он не договорил. Министр не видел, как трубка выпала из рук Президента и негромко стукнулась об пол, он продолжал терпеливо ждать, когда Президент закончит свою речь. Лишь через какое-то время он понял, что на другом конце что-то произошло.

– Алло, – в его голосе все еще была робость, – алло, вы меня слышите? Алло?

В ответ – молчание. Он громче крикнул в трубку, но ему снова никто не ответил. Министр расстегнул рубашку, чувствуя, что задыхается. Он стоял с трубкой в руках и не мог сообразить, как ему себя вести. Может быть, Президенту стало плохо. Может, нужно позвонить его помощнику. С другой стороны, может быть, Президент просто отложил трубку, чтобы ответить на другой звонок. Или решил выпить стакан воды. Но почему он так неожиданно замолчал? И в этот момент маршал услышал в трубке чей-то незнакомый голос.

– Алло, кто говорит? – закричал министр.

– Президенту стало плохо, – услышал он голос одного из сотрудников аппарата Президента, дежурившего в соседней комнате, – он потерял сознание. Михаил Борисович, он лежит на полу, рядом с ним сейчас лечащий врач. Позвоните

попозже.

– Я не могу попозже, – крикнул в ответ министр, – я не могу, вы слышите, я не могу!

– Господин министр, – рассердился помощник, – я же вам сказал, что Президент без сознания. Михаил Борисович, неужели вы не понимаете!

«Господи, только этого не хватало», – Испуганно подумал министр. Он взял трубку другого телефона и набрал номер Премьера. Занято. Он набрал номер снова. И снова – занято. Это окончательно вывело министра из себя. Он набрал номер в третий раз и снова услышал частые гудки. Он застыл на какое-то время с трубкой в руке. Затем, подумавши, позвонил начальнику Генерального штаба.

– Ну, что там у вас? – спросил он.

– Сейчас разбираемся, – доложил генерал, – командующий считает, что ему удастся договориться с офицерами. Он уже вышел с ними на связь.

– Что? – Министру показалось, что от ярости у него вылезают глаза из орбит. Они еще о чем-то договариваются! Его офицеры-ракетчики!

– Вы уже выяснили, как все произошло?

– Мы уточняем ситуацию, Михаил Борисович, – доложил генерал, – пока новых данных не поступало.

– Я сейчас приеду! – прокричал в трубку министр и дал отбой. Затем он снова набрал номер Премьера. Тот наконец снял трубку.

– Здравствуйте, Николай Алексеевич, – поздоровался маршал, – я хотел вам доложить…

– Знаю, – ответил Премьер, – о вашем ЧП в Дятлово. Я все знаю. Занимайтесь этим вопросом, Михаил Борисович, сами, нам сейчас не до этого.

Министр подумал, что он ослышался. Как это не до этого? И это говорит Премьер-министр! Он что, не понимает, что такое командный пункт межконтинентальных баллистических ракет? Или не в курсе того, что в захвате приняли участие боевые офицеры?

– Извините, – сказал министр, – вы, видимо, не в курсе...

– Я Президента инсульт, – перебил его Премьер, – он сейчас в очень тяжелом состоянии. Врачи опасаются за его жизнь. Во время разговора с вами у него случился удар. Я принял на себя руководство страной. По рекомендации врачей мы пока не делаем никаких официальных заявлений. Нужно подождать, пока состояние Президента стабилизируется. Так что свои проблемы решайте сами, Михаил Борисович. Я на вас надеюсь и полностью вам доверяю.

– Я все понял, – ответил министр, – спасибо за информацию.

Он осторожно положил трубку. Получается, что своим телефонным звонком он невольно спровоцировал у Президента инсульт. Но у него не было никакого нрава промолчать и не доложить о случившемся, растерянно подумал министр. К тому же, не доложи он вовремя, за него это сделали бы другие, уже давно мечтающие занять его место. Конечно, захват командного пункта межконтинентальных ракет – это из ряда вон выходящее ЧП. Но офицеры ведь не террористы, и с ними всегда можно будет договориться. Министр знал, что его офицеры по сути правы. Комплекс в Дятлово давно пора было закрыть. И лишь недостаток финансов никак не позволял отправить эти ракеты на переработку. Ничего, командующий сумеет с ними договориться, подумал министр, хотя всех этих офицеров придется потом выгнать из армии и отдать под суд. А вот инсульт Президента – событие гораздо более серьезное.

Министр тяжело вздохнул. Премьер прав, каждый должен заниматься своим делом.

– Мундир! – истошно крикнул министр. – Где мой мундир?!

Так, пожалуй, министр обороны не кричал ни разу в жизни.

День второй. Москва. Вторник. 12 июня.

К стоявшему у обочины серому «Ауди» подъехала черная «Волга» и, мягко затормозив, остановилась рядом. Из нее вышел высокий мужчина и стремительно зашагал по направлению к небольшому холму, за которым его уже ждал человек, приехавший на «Ауди». Оба водителя, также вышедшие из машин, неторопливо переговаривались. Оба были удивлены неожиданным поведением своих начальников, у которых работали уже не первый год, когда те вдруг отправились за город, в эту глухомань, без охраны и привычных автомобилей сопровождения.

Приехавший в черной «Волге» высокий мужчина был заместителем директора Федеральной службы безопасности. Он дошел до холма и возле кустарника увидел человека, созерцавшего открывающуюся отсюда панораму ближайшего поселка.

– Добрый день, – вежливо поздоровался подошедший. Среди профессионалов его считали одним из лучших специалистов, утвердившихся в руководстве ФСБ, несмотря на то что ему было сорок восемь лет, что для разведчика считалось совсем немного.

В органах государственной безопасности он работал больше двадцати лет, успел дослужиться до генерала и сделал прекрасную для кадрового офицера, к которым не очень-то благоволили в девяностые годы, карьеру. Он начинал сотрудником внешней контрразведки ПГЯ КГБ, а после девяносто первого года, во время разделения бывшего Комитета на разведку и контрразведку, перешел в ФСБ, выбрав для себя внутреннюю безопасность.

– Здравствуй, – обернулся к нему приехавший первым пассажир «Ауди», протягивая руку, – спасибо, что приехал. – Затем, оглянувшись по сторонам, настороженно спросил: – Надеюсь, здесь нас никто не услышит.

– Нет, конечно, – усмехнулся генерал, – кто тут может оказаться, в зарослях кустарника? Я бы никогда не нашел этого места, если бы вы так подробно не объяснили мне, как проехать сюда.

– Я иногда и раньше проезжал, – признался его собеседник, – в этом поселке есть один закрытый завод, на котором я когда-то работал. Это было много лет назад, но я до сих пор помню и поселок, и завод, и дорогу сюда. В этом смысле у меня хорошая память.

Генерал ждал, когда пассажир «Ауди» объяснит ему, почему он назначил встречу так далеко от Москвы, о чем он хочет с ним поговорить. Его собеседник молчал. Очевидно, он обдумывал, с чего начать разговор. И только спустя минуту, выдержав многозначительную паузу, спросил:

– Как дела у вас на службе?

– Как обычно, – ответил генерал, – работаем. Вы же знаете, что происходит в стране. Полный бардак.

– Знаю, – угрюмо кивнул его собеседник, – я думал, хоть у вас порядок.

– Я нас беспорядок в первую очередь. Никто не знает, что завтра будет. Даже наш директор занервничал. После того как у Президента случился инсульт, все ходят, трясутся, никому неизвестно, кто усидит на своем месте, а кому дадут «коленкой под зад».

– А ты что думаешь?

– Как бог даст, – улыбнулся генерал. Я него были тонкие губы на вытянутом, чуть продолговатом лице. Его глаза серого цвета производили неприятное впечатление, может быть, причиной тому было почти полное отсутствие ресниц. Он взглянул на своего собеседника, ожидая дальнейшего продолжения беседы.

– Да, трудно, – вздохнул пассажир «Ауди», – всем сейчас трудно. Время такое – трудное. Зато рейтинг нашего Премьера постоянно растет.

– Возможно, – осторожно согласился генерал, – я не очень за этим слежу.

– Напрасно, – быстро парировал пассажир «Ауди», – за этим нужно пристальнейшим образом следить. Самым пристальным, – подчеркнул он.

Он снова немного помолчал, затем оглянулся по сторонам, словно не доверяя даже этому кустарнику, и негромко произнес:

– Президент не просто болен. Врачи считают, что от этого инсульта ему уже не оправиться. Ты меня понимаешь?

– Досрочные выборы?

– Хуже. По существу, при немощном и недееспособном Президенте будет настоящий регент. Обойдется без досрочных выборов, без всей этой толчеи и суеты. До окончания президентского срока полномочия фактически отойдут к Премьер-министру. Он сам ни на какие решительные действия не способен и только окончательно запутает всю ситуацию. А там – выборы. Кого изберут, ты сам прекрасно знаешь. Он лидирует во всех рейтингах. Интересно, что за него проголосуют все – от левых до правых. В сущности, они считают его единственным гарантом стабильности государства. Как только его изберут, он начнет копать и под нас, и под вас, я буду первым на очереди, ты – вторым.

Пассажир «Ауди» на время замолчал, словно задохнувшись от неожиданно охватившей его ненависти. Затем продолжил:

– Шансов остановить его у нас нет. Вообще нет. Ни единого. Врачи считают, что Президент приговорен. Он уже никогда не сможет нормально работать. И в отставку его сейчас не отпустят. Им это пока невыгодно. Премьер уже наложил в штаны и думает, как бы досидеть до выборов. Значит, нам самим нужно решать, что делать в этой ситуации. Решать надо быстро, не дожидаясь, пока нашего Премьера выставят из его кабинета, а Президента объявят недееспособным. Потом они назначат очередные выборы, на которых триумфально победит совсем не тот человек, который нам нужен. Ты меня понимаешь?

Генерал по натуре был смелым человеком. Его не устрашали ни террористы, ни бандиты, ни диверсанты, он принимал участие во многих боевых операциях, в которых были и жестокие драки, и смертельные перестрелки, но здесь он впервые дрогнул. Он ошеломленно взглянул на своего мрачного собеседника.

– Вы говорите о главном претенденте? – он все еще не решался назвать фамилию.

– Он вчера выступал по телевидению. Давал интервью. Показали по всем «Новостям», ты наверняка видел. Я говорю о мэре столицы.

Слова были произнесены. Генерал почему-то оглянулся и почти шепотом спросил:

– Вы предполагаете физическое устранение? – Я него чуть дрогнул голос, и он, запинаясь, быстро добавил. – Или поиск компромата, способного...

– Без «или», – резко ответил пассажир «Ауди», – никакие компроматы сейчас уже не проходят. Всем надоели эти истории с разоблачениями, с кассетами. С бабами он не спит, чтобы его ловить на этой дешевке, а на взятках ты его шиш поймаешь. Он не такой дурак, чтобы брать «борзыми щенками». Он и так один из самых богатых людей в стране. Любой компромат только прибавит ему голоса на выборах, и он еще выставит себя борцом за моральную чистоту против бесчестных чиновников, попытавшихся его скомпрометировать. Поэтому «или» не нужно. Только первый вариант.

– Я понимаю, – пробормотал генерал. Теперь замолчал он. Пауза была долгой.

– Что молчишь? – не выдержал пассажир «Ауди». – Струсил?

– Нет, – выдохнул генерал, – думаю.

– Я обратился к тебе как к человеку, которому я доверяю, – сообщил пассажир «Ауди», – ты ведь знаешь, что наши друзья всегда готовы были тебя поддержать. Мы и сейчас готовы оказать содействие. Если все получится, на твое имя в любой точке мира будет открыт счет.

– Что будет потом? – спросил генерал.

– Мы проведем в Президенты нынешнего Премьера – или кого-нибудь из «бывших». В общем, кандидатуру подберем. Посмотрим, кто легче сможет пройти. Главное, не пропустить этого типа.

Генерал вздохнул.

– Нужны будут большие деньги, – осторожно заметил он.

– Это уж наше дело, – усмехнулся его собеседник, – мы найдем столько денег, сколько нужно будет.

– А каковы мои гарантии?

– Ты лично получишь пять миллионов. Я думаю, этих денег хватит, чтобы жить там, где ты захочешь. Не так ли?

– Пять миллионов долларов? – переспросил генерал. Он, наконец, понял, насколько далеко все зашло. Отступать уже не имело смысла. Генерал сглотнул набежавшую слюну. Пять миллионов, подумал он. За эти деньги можно отказаться от службы: скинуть свой генеральский мундир и оставить свою хлопотную должность. Да с такими деньгами можно поселиться в любой стране мира и жить припеваючи. С другой стороны, пять миллионов, очевидно, не предел...

– Это мой гонорар, – хриплым голосом сказал генерал, – но еще столько же нужно на проведение самой акции.

– Не слишком ли много? – прищурился собеседник.

– Нет, – выдавил генерал и тут же поспешил сбавить цену, почувствовав, что его жадность может осложнить разговор, – ну ладно, пусть не столько же, но хотя бы еще три миллиона нужно, – предложил он, – ведь понадобятся очень надежные люди. Ну ничего, в крайнем случае добавлю из своего гонорара, – торопливо проговорил он.

– Считай, что договорились, – кивнул пассажир «Ауди». – Что-нибудь еще?

– Да. Если все будет нормально, я бы хотел иметь некоторые гарантии. Кроме денег, – голос генерала обрел обычную твердость.

– Какие гарантии?

– Место директора ФСБ, – сообщил генерал. – По факту гибели такого высокого должностного лица будет проводиться расследование, и вам лучше иметь на этом посту своего человека.

Он смотрел на собеседника своими серыми глазами, не моргая. Тот впервые за время разговора почувствовал себя неловко.

– Не знаю, как все сложится, – откровенно сказал он, отводя глаза, – но мне нравится твоя просьба. Надо будет над ней подумать...

– А я подумаю над вашей проблемой, – ответил генерал.

– Я тебя нет времени думать, тебе, кажется, платят достаточно, чтобы ты все бросил и сосредоточился как можно быстрее на нашем деле. Нужно найти высококлассного специалиста, который сможет гарантировать нам проведение акции на должном уровне. Никакой осечки, иначе на нас может пасть подозрение. Если операция сорвется, второго шанса уже не будет. До президентской кампании рукой подать, а во время выборов его убирать уже нельзя. Иначе этим сразу воспользуется оппозиция, которая наберет на этом деле очки. Я тебя есть два месяца. Два месяца до начала официальной кампании. Успеешь найти нужного человека?

– Найдем, – коротко ответил генерал.

– И еще, – добавил пассажир «Ауди», снова оглядываясь по сторонам, – о нашей встрече знаем только мы двое. Если найдешь «специалиста», ты должен говорить с ним лично. Никаких посредников, никаких лишних людей. Только ты и он. А если возникнут посредники... В общем, они нам не нужны. Это самый важный вопрос. Чем меньше людей будет знать о нашем разговоре, тем надежнее.

– Вы могли бы мне этого не говорить, – хмуро заметил генерал, – я много лет работаю в контрразведке и знаю, как проводить подобные операции.

– Не обижайся, – торопливо сказал пассажир «Ауди», – я должен был тебя предупредить. Когда найдешь «специалиста», поставь перед ним задачу. И скажи нам, куда перевести деньги. В какой банк.

– Скажу.

– И последнее. Извини, что я так назойливо вторгаюсь в сферу твоей компетенции. Кроме «специалиста», который будет проводить операцию, нужно найти еще одного профессионала. Если все пройдет успешно, второй профессионал уберет «специалиста». Впрочем, я думаю, что этим вторым можешь стать и ты сам. Ведь «специалисту» нужно будет заплатить деньги за его работу. И он должен будет обязательно встретиться с тобой сразу после... проведения операции.

– Я все понял, – ответил генерал, – постараюсь найти нужного «специалиста». И нужного профессионала.

– Никогда не сомневался, что ты умный человек, – протянул ему на прощание руку пассажир «Ауди», – думаю, что насчет своего повышения ты прав. Стране нужны такие толковые профессионалы, как ты. До свидания.

Он повернулся и пошел к своему автомобилю. Генерал стоял и ждал, когда «Ауди» отъедет подальше. Затем достал из кармана небольшой магнитофон, включил его, немного перемотал кассету. И услышал голос своего собеседника:

– Никогда не сомневался, что ты умный человек...

Генерал выключил магнитофон и улыбнулся. Уж теперь-то у него была абсолютная гарантия на пять миллионов долларов. Теперь уж никто не посмеет его обмануть. Он положил магнитофон в карман и зашагал к своей машине.

День третий. Москва. Пятница. 15 июня.

Он нетерпеливо шарил по своему столу в поисках записной книжки. Уже собираясь позвать секретаря, он вовремя вспомнил, что убрал записную книжку в сейф. Поднявшись с кресла, он прошел в угол, где стоял массивный железный шкаф, открыл дверцы и вытащил свою записную книжку со множеством телефонов. Нужный ему номер был записан на последней странице его личным, только ему одному известным шифром. Он зашифровал номер телефона

кодовым словом, написав его перед этим задом наперед. Но все равно он боялся и поэтому хранил записную книжку в сейфе.

Он взглянул на номер, положил записную книжку обратно и вернулся к своему креслу. Я генерала сегодня было плохое настроение. Все время болела голова. Усевшись за стол, он взглянул на телефонные аппараты, выстроившиеся в ряд с левой стороны, и, недовольно отвернувшись, достал мобильный телефон. Он набрал нужный номер.

– Я вас слушаю, – раздался знакомый голос. Очевидно, у собеседника был аппарат с определителем номера, так что он понял, кто ему звонит.

– Где ты сейчас? – спросил позвонивший.

– В городе.

– Можешь приехать ко мне?

– Когда?

– Прямо сейчас.

– К вам в кабинет?

– Нет. Сядешь ко мне в машину. Я буду ждать тебя на проспекте через пятнадцать минут.

– Хорошо.

Генерал убрал телефон, нажал кнопку селектора.

– Срочно мою машину, – приказал он, – я уезжаю. Если будут меня спрашивать, буду через два часа.

Ровно через пятнадцать минут его автомобиль остановился в условленном месте. Дверца открылась, и на заднее сиденье сел человек. Он поздоровался,

генерал кивнул ему в ответ. Вышколенный водитель, уже знал, куда везти хозяина. Машина, набирая скорость, помчалась на Рублевское шоссе. За все время пути не было произнесено ни слова. Автомобиль подъехал к дачному поселку, окруженному высоким зеленым забором.

– Въезжать? – спросил водитель чуть поворачивая голову.

– Нет, – ответил генерал, – давай по дороге до конца. Мы немного погуляем.

Автомобиль проехал мимо контрольно-пропускного пункта и помчался вдоль забора. Минут через пять он остановился, и генерал, подав знак второму пассажиру, первым вышел из автомобиля. Его гость вышел следом и осторожно закрыл дверцу. Водитель предусмотрительно отъехал метров на сто. Генерал, хотя и был в штатском, все равно огляделся по сторонам и лишь после этого пошел в глубь леса. Его гость поспешил вслед за ним. Он был среднего роста, светловолосый, большелобый, уголки губ были немного опущены вниз, глаза голубоватого цвета, на подбородке у него была большая родинка.

– Ну что у тебя? – спросил генерал, когда они отошли достаточно далеко от забора.

– Нашел четверых, – сообщил его собеседник, – все надежные люди. Правда, один живет в Москве. Он раньше работал в КГБ, сейчас сотрудник налоговой полиции, но вы говорили...

– Отпадает, – прервал его генерал, – я же тебе объяснял, никаких официальных структур. Москвичи нам тоже не подходят.

– Остальные трое живут не в Москве. Один – в Санкт-Петербурге, второй – в Твери, а третий – в Штутгарте.

– Где? – не поверил генерал. – Где, ты сказал, живет третий?

– В Штутгарте, в Германии.

– Ты совсем с ума сошел, – зло сказал генерал, – как это в Штутгарте? Я тебе дал серьезное задание, а ты цирк устраиваешь. Может ты еще американца

позовешь? Или француза?

– Он наш бывший гражданин. Сам русский, а жена у него еврейка, вот они и уехали в Германию по «еврейской» визе. Ему пятьдесят два года. Очень толковый специалист, работал во внешней контрразведке, был руководителем группы проверки, лично устранил двух свидетелей в Испании и Нигерии. Проработал в Первом главном управлении КГБ СССР восемнадцать лет.

– Я тебе, Саша, поручил особо важное дело, а ты мне немца подсовываешь. Русского немца, да еще женатого на еврейке. Ты бы сразу пригласил немецкую и израильскую разведки.

– Он очень надежный исполнитель, – возразил Саша.

– Был! – крикнул генерал. И уже тише сказал: – Ладно, оставишь его как резервный вариант. Кто остальные двое? Такие же субъекты, или лучше?

– Тот, который живет в Санкт-Петербурге, сотрудник охранной фирмы. Сорок шесть лет. Прошел Афганистан. Сотрудник военной разведки. Возглавлял специальные диверсионные группы. Был тяжело ранен. Комиссовался. Сейчас чувствует себя нормально.

– Где был ранен?

– В Чечне, в девяносто пятом.

– Во время боевой операции?

– Да.

– Не подходит. Если он был ранен во время боевой операции, значит, получил психологическую травму. Кто третий?

– Живет в Твери. Бывший «ликвидатор». Его личное дело до сих пор засекречено. Удалось выяснить клички, под которыми он работал. Старик и Посол.

– Не может быть, – пробормотал генерал, – как это «Посол»? Ты знаешь, сколько ему лет? Это невозможно, он давно умер.

– Ему пятьдесят семь лет, – сообщил Саша, – я все проверил. Он работает заместителем директора спорткомплекса. Характеризуется положительно…

– Как его фамилия? – разозлился генерал. – Я него есть фамилия?

– Рашников. Игорь Рашников.

– Господи, – прошептал генерал, – это он. Рашников. Так сколько же ему сейчас лет? – снова спросил он.

– Пятьдесят семь, – сообщил Саша, – я все проверил.

– Он работал двадцать пять лет назад в Латинской Америке, – пробормотал генерал. – Я слышал о его операциях, когда пришел в КГБ. Да, он отличился еще тогда, в начале семидесятых. Значит, в то время ему было лет тридцать. Черт побери, я думал он давно умер.

– Живой, – удовлетворенно кивнул собеседник генерала, – может быть, он подойдет?

– Может быть, – задумчиво сказал генерал. – Значит, так. Сотрудника налоговой полиции не считай, он не подходит. Остаются трое. Нет, «немца» ты все-таки тоже исключи. Оставь двоих. Рашникова и этого военного разведчика. Постарайся найти о них все, что сможешь. Поезжай в Тверь и в Санкт-Петербург. Мне нужны исчерпывающие данные на обоих. Только очень осторожно. Ты меня понимаешь, Саша? Чтобы комар носа не подточил. Они оба специалисты высокого класса. Очень высокого. Будь осторожен, но собери мне всю информацию. И как можно быстрее. Я тебя в запасе только одна неделя. Сегодня пятница. Встретимся с тобой в следующую субботу. К этому времени собери все данные. Ты меня понял, Саша?

– Я поеду, – кивнул тот.

– Пошли, – разрешил генерал, завершая беседу. Он первым двинулся к автомобилю. Саша пошел следом. Они прошли несколько метров, когда генерал оглянулся и заметил, как его собеседник достает из кармана небольшой прибор.

– Что это такое? – гневно спросил он. – Магнитофон?

– Нет, – ответил Саша, – это скеллер. Чтобы нас не могли подслушать. Всегда лучше подстраховаться.

– Умный ты парень, Собников, – задумчиво сказал генерал. – До трассы, майор, доберешься пешком. Здесь недалеко. И запомни, у тебя в запасе только одна неделя. В следующую субботу ты мне расскажешь о каждом из них. И во всех подробностях.

Он прошел к своему автомобилю, сел в салон и сильно хлопнул дверцей. Машина сразу тронулась с места. Саша, оставшийся стоять на дороге, так и не понял, чем был вызван внезапный гнев генерала.

День четвертый. Тверь. Воскресенье. 24 июня.

Вокруг никого не было. Он оглянулся. Пустая улица, ни одного прохожего, ни одной машины. Был уже одиннадцатый час вечера, и случайных прохожих в это время здесь обычно не бывало. Дело в том, что переулок, в котором он жил, облюбовали молодые длинноволосые юнцы. По вечерам они собирались компанией, бренчали на гитарах, пили вино и, похоже, курили наркотики.

Дом, в котором он жил, находился в тупике, в конце переулка. Лохматые гитаристы жили по соседству. Поначалу их тусовки здорово раздражали его. Но потом он сообразил, что шумная уличная компания, которая отпугивает всех чужаков, служит на самом деле прекрасной охраной и под их «прикрытием» он может чувствовать себя в относительной безопасности. Он успокоился.

Но сейчас, возвращаясь к себе домой, он чувствовал на себе чужой взгляд. Он не мог ничего перепутать, он физически ощущал любой чужой взгляд, даже направленный в его спину, он чувствовал энергетику чужого взгляда, словно

бьющего под лопатку. Это было врожденное чувство опасности, помноженное на интуицию и развитое годами тяжелых тренировок.

Именно поэтому он внезапно споткнулся и выронил газету, которую нес в руках. Все получилось словно случайно. Он наклонился и, поднимая газету, незаметно оглянулся. Улица по-прежнему была безлюдна, но он был уверен, что за ним наблюдают. Он медленно выпрямился, фиксируя на себе чужой взгляд, который обжигал его, словно попавший на лицо солнечный луч. Чуть повернул голову. За ним следили откуда-то спереди. Кажется, он понял. Следят из белой «Волги», которая припаркована недалеко от въезда в его переулок. Оттуда просматривается вся улица. Лучшее место для наблюдения трудно придумать. Никто не пройдет в переулок незамеченным.

Раньше узкий переулок был сквозным, но затем сосед построил сарай и перегородил его, превратив в тупик. Однако все в городе по-прежнему называли новый тупик переулком. Он взглянул в сторону машины. Белая «Волга», кажется, местная, но раньше на этой улице она не появлялась. Одна секунда. Настоящий профессионал смотрит ровно одну секунду, может, даже чуть меньше. Он бросает молниеносный взгляд, а уже затем его мозг обрабатывает поступившую информацию, отбрасывая ненужное и выделяя главные детали. В автомобиле сидел человек. Чтобы разглядеть его, нужно было чуть повернуть голову или скосить глаза. Он так и делал, время от времени, словно в такт своим шагам, ненароком чуть поворачивал голову.

Лицо чужого. Поступающая информация продолжала обрабатываться. Нет, он его никогда не видел. Этого молодого человека он явно не знает. Неужели кто-то сумел его вычислить? Неужели они смогли его найти?

Он медленно приближался к машине. Нужно спокойно подойти к переулку, повернуть за дом. Подойти таким образом, чтобы не стать удобной мишенью для молодого человека, сидевшего за рулем. Если тот должен убрать его, то напрасно согласился сесть на место водителя. Из «Волги» невозможно выбраться за одну секунду. Для этого нужны две-три секунды. А если он не справится за секунду, то второй секунды у него может не быть. Точнее, второй секунды у него наверняка не будет.

Рашников, повернув голову, посмотрел на соседний дом. Если бы он планировал операцию, он посадил бы снайпера туда: водитель открывает дверцу машины, отвлекая внимание жертвы, а снайпер тем временем спокойно довершает дело.

Но, похоже, снайпера там не было. Рашников медленно приближался к своему переулку и к стоявшей машине. Если незнакомец решится выйти из автомобиля, то он не успеет выстрелить. Рашников знает, как нужно действовать в таких случаях. Я него нет с собой оружия, он уже давно не носит пистолета. Но ему не нужен пистолет, чтобы убить человека. Он знает множество других способов. Ему не раз приходилось прибегать к ним, спасая свою жизнь. До сих пор профессионализм его не подводил.

Кажется, молодой человек собирается выйти из автомобиля. Я него большая родинка на подбородке. Отсюда хорошо видна его родинка. Нет, они абсолютно точно никогда раньше не встречались. Рашников свернул газету поплотнее. Профессионалу такого класса, как он, достаточно одной газеты. Сначала удар по глазам, а затем в сонную артерию. Человек отключается быстро и без проблем. Но для этого нужно подойти близко, почти вплотную к противнику. Если подойти нельзя, нужно избежать контакта с ним. До переулка остается несколько метров. Если он дойдет до поворота, незнакомец уже не успеет выстрелить, даже если попытается быстро выскочить из машины. Пять метров, четыре, три…

Рашников почти подошел к переулку, собираясь заворачивать, когда молодой человек сделал характерное движение плечом, открывая левую дверцу. Если он собирается стрелять, то явно не успеет этого сделать, подумал Рашников. Разве можно ждать жертву, сидя за рулем? Как это глупо. Нет, этот тип явно не убийца. И в руках у него ничего нет. Похоже, молодой человек собирается с ним заговорить.

Последний шаг. Рашников собирался уже заворачивать за угол, когда молодой человек вылез из автомобиля, шагнул ему навстречу.

– Игорь Викторович? – спросил молодой человек, когда Рашников оказался около него на расстоянии нескольких метров.

– Я вас не знаю. – Рашников остановился. Поворот в переулок рядом, если незнакомец начнет стрелять, он может прыгнуть в сторону.

Но молодой человек явно не собирался стрелять. И вообще, с близкого расстояния выглядел не очень молодым. Когда он сидел в автомобиле, казалось, что ему лет двадцать пять. А сейчас было видно, что все тридцать, а может, и тридцать пять.

– Игорь Викторович, – снова обратился к нему незнакомец, – с вами хотят поговорить.

– Вы ошиблись, – упрямо проговорил Рашников, – я вас никогда раньше не видел. Мы не знакомы…

– Майор Собников, – сообщил очень тихо молодой человек, – я из Федеральной службы безопасности.

– Это я уже понял, – кивнул Рашников. – Что вам нужно?

– С вами хочет встретиться один человек.

– Пусть приходит ко мне на работу, – проговорил Рашников, собираясь повернуть в переулок. – Пусть завтра придет ко мне в спорткомплекс, – уточнил он на прощание. Ему безразлично, что его ищут сотрудники ФСБ, он всем своим видом демонстрирует незаинтересованность. Но в этот момент из глубины переулка, откуда-то из темноты доносится голос:

– Добрый вечер, Игорь Викторович. Поздно вы приходите домой.

Рашников повернул голову, вглядываясь во тьму переулка. Все сделано очень аккуратно и профессионально. Водитель отвлекал его внимание, а неизвестный все это время ждал в переулке. Если бы Рашников побежал, ему преградил бы дорогу второй незнакомец. Тот все еще не выходил из темноты, Рашников слышал только его голос и смутно мог разглядеть расплывающиеся черты. Понятно было только, что это высокий мужчина, гораздо старше своего молодого напарника.

– Кто вы такой? – спросил Рашников, делая несколько шагов вперед. Он уже понял, что ни убивать, ни арестовывать его ночные незнакомцы не собираются. Им, видно, действительно нужно о чем-то с ним поговорить.

– Мы вас долго искали, – признался высокий мужчина, – мы могли бы пройти к вам в дом?

– Я живу не один. Я меня хозяйка, – предупредил Рашников.

– Нет, – улыбнулся тот, что повыше, – вашей хозяйки нет дома. Она уехала вчера в деревню к своей сестре, вернется только завтра.

Значит, они знают о нем гораздо больше, чем он предполагал. Значит, они за ним следили. И не просто следили. Вчера утром позвонили из деревни и попросили его хозяйку срочно приехать. Получается, что они подстроили и этот неожиданный звонок, и отъезд старой женщины. Рашников помрачнел. Если они за ним следили достаточно долго, он обязан был это почувствовать. А может, они собирали о нем информацию, не прибегая к наружному наблюдению? Выходит, они провели серьезную подготовку, чтобы высокий незнакомец мог с ним поговорить. Раз так, расспрашивать больше не о чем. Они сами объяснят, чего хотят от него.

– Раз так, то идемте ко мне, – сказал Рашников и, уже не оглядываясь на молодого напарника, пошел к своему дому. Достал ключи. В их двухэтажном доме кроме него и хозяйки живут еще два кота. Он бы давно завел собаку, но семидесятилетняя старуха не разрешает, она собак боится. Делать нечего, приходится довольствоваться кошками.

Он открыл дверь, впуская внутрь высокого незнакомца. Его молодой напарник остался на улице. Рашников указал на вешалку, куда можно повесить плащ. И, наконец, разглядел своего непрошеного гостя, уже включив яркий свет. Высокого роста, в хорошем костюме, в белой свежей рубашке. Он явно не из местных, а раз рубашка свежая, значит, успел – переодеться. На «Волге» местные номера, выходит, что у них есть связи в Твери, и связи хорошие. Молодой человек, сидевший за рулем, сказал, что он майор. Получается, что этот тип либо полковник, либо генерал. Скорее, генерал, уж слишком независимый и слишком гордый у него вид.

– Поднимемся на второй этаж, – предложил Рашников, наливая молоко мяукающим котам, которые вышли его встречать. Он неожиданно легко присел на корточки и поставил тарелки перед кошачьими физиономиями. – Моя комната там. Тот непроизвольно отметил мягкость и бесшумность движений хозяина дома. Когда тот присел на корточки, его кости не издали ни малейшего хруста, что в его возрасте было бы вполне естественным.

Они поднялись по скрипящей деревянной лестнице наверх, в большую комнату Рашникова. Незнакомец огляделся по сторонам. Он был явно удивлен. В углу висит икона, повсюду старая обшарпанная мебель, стол накрыт выцветшей

скатертью. На кровати целая гора подушек, от самой большой до самой маленькой. Ощущение, что ты попал в деревенскую избу, где живет глубокий старик. Рашников знал, какое впечатление производит эта комната, поэтому он просто показал на лавку у стола:

– Садитесь, я сейчас приду.

Он прошел во вторую комнату, куда не пускал никого из посторонних, и через некоторое время вернулся к гостю, который все еще недоуменно озирался по сторонам.

– Вы здесь живете? – не выдержал генерал. – Это ваша комната?

– Да, – ответил Рашников, пряча улыбку, – это мой дом вот уже шесть лет. Мне нравится здесь жить. А вам здесь не нравится?

– Нравится, – немного растерянно сказал гость.

Он явно был изумлен, и Рашников не мог этого не заметить. Здесь, в этой «крестьянской избе», его короткая бородка и усы смотрелись совсем по-другому. Он выглядел этаким деревенским дедом, а вся окружающая обстановка заставляла предположить, что в доме принят патриархальный уклад. На старом комоде лежали вырезанные из дерева поделки, стоял поднос с кувшином кваса.

– Вы Игорь Викторович Рашников? – уточнил гость.

– А вы сомневаетесь? – спросил Рашников. – Тогда зачем вы сюда приехали? Посмотреть, как я живу?

– Нет, – гость снова огляделся по сторонам. Он явно был недоволен. Особенно его смущала икона с лампадкой в углу.

– Вы были «ликвидатором», – гость не спрашивал, он утверждал.

Рашников пригладил свою бородку.

– Был когда-то, – с ухмылкой ответил он.

– Каким образом вы уцелели? – спросил генерал. – Ведь из вашей группы никого не осталось в живых?

– Поэтому и уцелел, что живу здесь, – усмехнулся Рашников, – я давно понял, что все эти разборки добром не кончатся. И переехал сюда осенью девяносто третьего. С тех пор здесь и живу.

– Все это время? – спросил гость.

– Все это время, – он уловил едва заметную иронию в голосе незнакомца. Неужели им известно больше, чем он предполагал? – Как вас зовут? – спросил он незнакомца. – Назовите какое-нибудь имя, как к вам можно обращаться.

– Кирилл Сергеевич, – представился незнакомец, – это мое настоящее имя.

– Очень приятно. Про меня вам, очевидно, все известно. Поэтому я не буду больше ни о чем вас расспрашивать. Раз вы приехали сюда, в Тверь, значит, у вас ко мне дело. И дело важное, судя по тому, как вы продумали и устроили эту встречу.

– Да, – подтвердил гость, – дело очень важное. Но сначала я хочу уточнить кое-что. Мы проверили, чем вы занимались это время. Все последние шесть лет вы работали заместителем директора спорткомплекса.

– Я этого не скрывал, – кивнул Рашников.

– Есть, правда, одна любопытная деталь, – заметил гость, – дважды вы брали отпуск. За все шесть лет только два раза вы отсутствовали более месяца. Уезжали из города. И вот что интересно. Именно в это время в Москве было совершено два громких убийства. Был убит один известный банкир, а потом не менее известный журналист. Удивительные совпадения! Вам не кажется?

Рашников провел рукой по бородке. Он никак не выглядел смущенным.

– Не кажется, – усмехнулся он, – бывают какие угодно совпадения. Однако сомневаюсь, что вы приехали для того, чтобы выяснять, куда это я ездил отдыхать во время своих отпусков. Кстати, если вам все-таки интересно, я в это

время лечился в санаториях. И все подтверждающие документы на этот счет у меня, между прочим, сохранились.

– Не сомневаюсь, – сказал гость, – тем более что санатории мы проверили. Вы действительно там бывали. Правда, оба раза уезжали, не долечившись, раньше окончания срока путевки.

Рашников улыбнулся. Они неплохо поработали. Гость, кажется, прав. Он допустил оплошность, нужно было взять еще один отпуск и на самом деле провести его целиком в санатории. Но он так не любил эти санатории.

– Приходится лечиться, – прохрипел он, – я старый человек. Мне нужно думать о своем здоровье. И о своем будущем, – последнюю фразу он добавил, сверкнув глазами в сторону гостя.

Тот правильно понял намек. И усмехнулся.

– Надеюсь, здесь никто нас не услышит? – спросил гость.

– Никто, – подтвердил Рашников, – здесь глухое место, Кирилл Сергеевич. А работающий у вас в кармане скеллер исключает всякую возможность прослушивания.

– Откуда вы знаете? – нахмурился Кирилл Сергеевич.

– Догадался, – спокойно парировал Рашников. – Так о чем вы хотели поговорить?

– Нам нужна ваша помощь, – пояснил гость.

Рашников смотрел на него, ожидая дальнейшего развития беседы.

– Мы хотим использовать ваш опыт, – продолжал гость, – ваш опыт в решении некоторых наших проблем. Вернее, одной проблемы, которую вы могли бы помочь нам разрешить.

– Понятно, – кивнул Рашников, – серьезная проблема?

– Сначала мы должны договориться.

– Сначала я должен знать, о чем идет речь, – возразил Рашников.

Гость молча постучал костяшками пальцев по столу, словно проверяя акустику в комнате. Они оба прекрасно понимали друг друга, и оба друг другу не доверяли.

– Мы предлагаем вам следующие условия, – осторожно начал Кирилл Сергеевич, – платим ваш гонорар и просим решить нашу проблему. Вот собственно, и все.

– Я вас не знаю, – улыбнулся Рашников. В этот момент он был похож на сельского священника, излучающего умиротворение и спокойствие.

– На самом деле мы с вами знакомы, – ответил гость, – мы проводили одну совместную операцию девятнадцать лет назад. В Латинской Америке. Мы искали с вами в Аргентине одного бывшего сотрудника польской разведки. Я входил в группу, которой было поручено его найти. А вы… ну, собственно, вы уже тогда занимались своим делом. Когда мы нашли этого агента, я сообщил вам его координаты, и мы улетели. Потом мы узнали, что поляк случайно разбился в автомобильной катастрофе. Вы меня забыли, Игорь Викторович.

– Теперь вспомнил, – спокойно ответил Рашников. – Ты изменился. Кажется, уже генералом стал?

– Стал, – кивнул его гость, – поэтому и пришел к вам. Мне нужна ваша помощь.

– Поэтому ты и назвался своим настоящим именем, Кирюша. Я ведь почувствовал, что где-то тебя видел. Все хотел уточнить, где именно. Ясно. Я все понял, – вздохнул Рашников. Он тяжело поднялся, прошел к старому комоду и вытащил оттуда бутылку коньяка. Это был дорогой французский коньяк «Хеннесси». Генерал удивленно приподнял бровь. Французский коньяк нелепо смотрелся на фоне деревенского жилища в руках пожилого хозяина, медленно передвигающегося по дому.

– Это моя слабость, – усмехнулся Рашников, – люблю хороший французский коньяк.

Он достал два небольших стакана, разлил коньяк. Поставил бутылку на стол и поднял свой стакан.

– За успех нашего дела, – пробормотал он и, не чокаясь, поднес стакан ко рту. Он пил медленно, маленькими глотками, наслаждаясь тонким ароматом. Генерал тоже выпил. Коньяк действительно был превосходным. Это привело гостя в хорошее настроение.

– Так вы согласны? – спросил он.

Рашников взял лист бумаги, достал ручку и написал одно слово – «кто». После чего поставил большой вопросительный знак и сел на лавку, протянув лист бумаги своему гостю. Генерал посмотрел на надпись и нахмурился. Потом осторожно переспросил:

– Значит, вы согласны?

Рашников постучал костяшками пальцев по столу, показывая на лист бумаги. Он не сказал ни слова, испытующе глядя на генерала. Тот понял, что дальше медлить не стоит. Он достал из внутреннего кармана пиджака газету. На первой странице была помещена большая фотография. На ней Премьер-министр пожимал руку очередному зарубежному лидеру. Рашников посмотрел на фотографию. За спиной у Премьер-министра стоял мэр столицы. «Ликвидатор» смотрел на обоих. Его лицо не выражало никаких эмоций. Ни удивления, ни возмущения, ни гнева. Он просто смотрел на фотографию. Генерал напряженно ждал. Он всматривался в лицо Рашникова, пытаясь угадать его реакцию. Но тот так же равнодушно вернул газету генералу.

– Их там двое, – напомнил он.

– Тот, который слева, – ответил генерал.

Реакции не последовало. Рашников только кивнул.

– Понятно, – сказал он, – я примерно так и думал. Иначе вы не стали бы меня искать. Наверное, у тебя самого тоже есть неплохие специалисты.

– Есть, – подтвердил генерал. – Но сейчас нет таких надежных агентов, таких профессионалов, как раньше. Мельчает время, мельчают люди. А твоя квалификация мне известна.

– Может быть, – задумчиво произнес Рашников, – может быть. Значит, у тебя такое поручение. Понятно. Дорого будет стоить, генерал. Очень дорого.

– Ничего. Мой бюджет выдержит, – генерал не сводил с него глаз, ожидая решения.

– Рисковый ты мужик – пробормотал Рашников, – очень рисковый. В такую даль поехал со своим делом. Значит, долго меня искал?

– Долго, – подтвердил генерал, – мне нужен был специалист высокого класса.

– Один, – поднял указательный палец Рашников.

– Что один? – не понял генерал.

– Стоимость твоего заказа, – улыбнулся Рашников.

Генерал посмотрел на вытянутый длинный крепкий палец. Он не дрожал.

– Тысячу? – изумленно спросил гость, но, увидев презрительное выражение Рашникова, поправился: – Десять? – На лице хозяина дома было то же выражение. – Сто? – спросил генерал уже несколько другим голосом. Палец по-прежнему не дрожал. Генерал ошеломленно покачал головой: – Один миллион? – он сам не верил своим словам.

Палец наконец согнулся. Рашников убрал руку и потянулся за бутылкой коньяка.

– Ты с ума сошел? – разозлился генерал. – Таких гонораров не бывает. Ты мог бы с таким же успехом назвать и миллиард. Или сто миллионов. Не сходи с ума, не нужно наглеть! Сидишь тут в глуши, совсем чувство реальности потерял.

– Смешно, – прохрипел Рашников. Он кряхтя поднялся, прошел по комнате, затем внезапно обернулся. Его глаза блеснули. – А может, это ты, генерал, чувство

реальности потерял? Ты знаешь, сколько я беру за заказ? Сто тысяч. За обычных хлюпиков, которые ходят без охраны и которых можно пальцем удавить. А ты приехал ко мне с таким делом. Подумай, генерал, я не прошу слишком много.

– Таких цен не бывает – багровея, выдавил генерал, – ты ненормальный!

– Значит, не договорились, – спокойно ответил Рашников, – иди, генерал. Тебя твой мальчик на улице заждался.

Генерал решительно поднялся, взглянул на сидевшего перед ним пожилого человека. Нечесаные волосы, бородка, усы… Может, он давно потерял квалификацию, мелькнуло у него в голове. Все эти иконы, лампадки, подушки, салфетки. Может, Рашников на самом деле уже утратил чувство реальности? И те два убийства в Москве всего лишь случайно совпали с его отпусками? Хотя, с другой стороны, репутация Рашникова была ему хорошо известна. Он был одним из самых лучших профессионалов в бывшем КГБ СССР. Такой человек не мог полностью утратить свои навыки.

– Половину, – предложил генерал.

– Здесь не базар, – строго заметил Рашников, – я не торгуюсь.

– Не сходи с ума, – нервно сказал генерал, – зачем тебе столько денег? Ты вообще представляешь, что это за сумма?

– Чувство реальности, говоришь, – усмехнулся Рашников. Он вдруг поднялся и кивнул своему гостю. – Идем за мной.

Он прошел через всю комнату и открыл дверь во вторую. Генерал нерешительно подошел к двери и замер на пороге. Вторая комната была полной противоположностью первой. Здесь были книги на нескольких языках, аккуратно расставленные по полкам, высившимся до потолка. На специально оборудованном столе стоял компьютер, подключенный к лазерному принтеру, ноутбук, телефон, совмещенный с факсом. Рядом лежал мобильный телефон спутниковой связи. Стояли микроволновые генераторы шумов, исключавшие возможность прослушивания комнаты. Комната напоминала небольшой операторский пункт связи. Разница между первой и второй комнатой была настолько поразительной, что генерал невольно оглянулся. Было такое

ощущение, что в двух комнатах жили два абсолютно разных человека. Или что между комнатами существовал некий барьер времени. Он изумленно посмотрел на Рашникова.

– Потерял чувство реальности? – спросил Рашников с явной издевкой. – Так ты сказал?

– Нет, – запинаясь, ответил генерал. Его трудно было чем-либо поразить, но Рашникову это удалось. – Нет, – повторил он – не потерял. Ладно, я согласен на все твои условия. Пусть будет так, как ты сказал. Один миллион, я согласен.

– Плюс двадцать процентов на текущие расходы.

– Хорошо, – он не хотел больше спорить.

– Когда нужно выполнить заказ? – удовлетворенным голосом спросил Рашников.

– Я тебя есть два месяца. Не больше. Это максимальный срок.

– Ясно. Теперь давай вернемся к столу, и ты мне расскажешь, кто еще кроме тебя знает о нашей встрече.

Они вернулись к столу и снова расселись по лавкам. Рашников вопросительно посмотрел на генерала.

– Никто, – решительно ответил генерал, – ни один человек не знает. Я не идиот, чтобы кому-нибудь рассказывать о таких вещах. Ты не забывай, что мы работали вместе. Хотя тогда я был совсем желторотым юнцом. Но многому научился.

– Научился, – прохрипел хозяин дома, – да, видимо, не всему. Давай по порядку: кто знает о твоей поездке ко мне?

– Я же сказал… – нервно заметил Кирилл Сергеевич.

– Так не бывает, – усмехнулся Рашников. – Я кого вы взяли машину с местными номерами?

– Я позвонил одному из местных сотрудников ФСБ. Заместитель начальника областного управления. Мой старый знакомый. Он дал мне машину, ни о чем не спрашивая. Приказал одному из своих сотрудников встретить меня на вокзале и передать мне машину.

– Значит, этот знает, – кивнул Рашников с мрачным выражением лица, не обещавшим местному сотруднику ФСБ ничего хорошего. – Кто еще?

– Я него семья, – встревоженно сказал генерал, – у него двое детей.

От взгляда Рашникова ему стало не по себе, по спине пробежал неприятный холодок.

– Я него двое детей, – ошеломленно повторил генерал.

– Он знает, что ты приехал в город, – напомнил Рашников, – значит, сумеет вычислить к кому, если понадобится. Не спорь, генерал. Я ведь не прошу лишних денег. Это входит в одну сумму. Место перед операцией должно быть чистым. И тот сотрудник, который тебя встречал, тоже может догадаться. Значит, и он лишнее в этой цепи звено.

– Похоже, ты все-таки потерял чувство реальности, – пробормотал генерал, – ты не бульдозер, чтобы укатывать площадку перед операцией. Не сходи с ума!

– Друга пожалел? – усмехнулся Рашников. – А он бы тебя пожалел?

Генерал закусил губу. Он слишком хорошо знал, как действуют в подобных случаях его коллеги. Личные отношения – не в счет. Друзей сдают налево и направо, не задумываясь, если того требуют обстоятельства.

– Он мой друг, – хмуро произнес генерал, – мы знакомы уже много лет.

– Ты ведь знаешь все лучше меня, генерал. В нашем деле друзей не бывает. Раньше нужно было думать. Раз ты взял его машину, значит, понимал, чем это может закончиться. Если я его не уберу, ты все равно потом его сам уберешь. И сотрудника, который тебя встречал, тоже уберешь. Считай, что я тебе помогаю. От греха уберегаю. Пусть он будет на моей совести.

Генерал промолчал. Он понимал, что Рашников прав.

– Кто еще знает о вашем приезде? – продолжал допрос «ликвидатор».

– Никто. Мы приехали на поезде вдвоем.

– Кто проверял мою «легенду»?

– Саша Собников. Тот самый, который приехал со мной.

Рашников молча смотрел на него.

– Он мой сотрудник, – чуть не крикнул генерал.

– Не имеет значения, – ровным голосом ответил убийца, – все, кто могут вычислить нашу встречу, должны исчезнуть. Таково правило «ликвидаторов». Ты ведь знаешь, почему мы все одиноки. Мы не можем себе позволить завести семью, так как наши близкие автоматически стали бы заложниками в наших операциях. Твой сотрудник – уже состоявшийся «заложник». Таково правило профессионалов. Если у тебя есть возражения, можешь сам решать свои проблемы.

– Хватит, – свистящим шепотом произнес генерал, – кто еще? Кого ты еще хочешь уничтожить, прежде чем начнешь свою работу? Мою жену? Моих детей? Они знают, что меня сегодня нет в Москве, рядом с ними.

– Они не знают, что ты в Твери, – рассудительно сказал Рашников, – и ты им никогда об этом не расскажешь.

– Ты маньяк, – убежденно сказал генерал, – ты получаешь удовольствие от своей работы.

– Свою работу нужно любить, – улыбнулся убийца, – в этом и есть высшая мудрость палача. Если не будешь любить свою работу, будешь чувствовать себя обычным уличным убийцей. А вот если тебе нравится то, что ты делаешь, и если за это еще хорошо платят, тогда все правильно. Палач должен быть уверен в том, что кровь он проливает не по своей вине. Это не его инициатива. Он всего

лишь выполняет работу. На палачей никогда не обижались. Ведь нельзя же, например, обижаться на нож гильотины. Палачам никто никогда не мстит. А почему? Да потому, что убийство остается на совести человека, отдавшего приказ на уничтожение жертвы, приговорившего другого человека к смерти, заказавшего убийство и оплатившего его.

– Ты философ, – мрачно заметил генерал.

– В нашей профессии иначе нельзя, – сказал Рашников. – Говорят, что лучшим палачом во Франции был знаменитый Самсон. Он виртуозно работал, устраивая из казни настоящее представление. Но однажды, отрубив женщине голову, он поднял ее за волосы и дал ей пощечину. Это была Шарлотта Корде, заколовшая Марата. Ее приговорили к смерти, а палач, выполнивший свою работу, уже после смерти ударил ее по щеке. Ты знаешь, что его за это наказали? В решении французского суда, причем, учти, революционного суда, было сказано, что палач Самсон получил приказ только отрубить женщине голову, но не оскорблять ее, даже после смерти. Какая высокая патетика!

Генерал с нарастающим чувством тревоги следил за тем, как разгорались глаза убийцы. Тот был явно воодушевлен своей речью.

– Что тебе нужно для выполнения нашего заказа? – спросил генерал.

– Прежде всего аванс. Двадцать пять процентов. Кроме того, деньги на текущие расходы. Можешь не беспокоиться, я не сбегу, не брошу же я оставшиеся семьсот пятьдесят тысяч долларов.

– Аванс – десять процентов, – быстро предложил генерал, – и еще двадцать процентов на текущие расходы. Я нас должны быть гарантии. Триста тысяч тоже немалые деньги. Тогда за нами останется еще девятьсот. Кстати, триста тысяч – это ровно двадцать пять процентов от общей суммы.

– Торгуешься, – поморщился Рашников. – Ладно, пусть будет, как ты говоришь. Только устрой так, чтобы я больше ни по какому поводу ни с кем не вступал в контакт. Только с тобой. Иначе мне придется убирать всех свидетелей.

– Собников – офицер центрального аппарата, – хмуро проговорил генерал, – если с ним что-нибудь случится, начнется специальное расследование. Он занимает в

Москве большой пост. На виду у всех. Подключат наших специалистов, прокуратуру. Со здешними двумя, которых ты собрался убрать, тоже хлопот не оберешься. Ты уверен, что знаешь, как нужно действовать?

Внутренне он уже примирился с тем, что придется сдать и своего старого товарища, и молодого коллегу – майора Собникова. Такая операция, какую он готовил, не обходится без жертв – таковы правила игры, такова своеобразная плата на успешную работу «ликвидатора». Он больше не упоминал о своем тверском друге и тем самым как бы уже исключил его из списка живых.

– Ты когда-нибудь слышал о «Шакале»? – вдруг спросил Рашников.

– Конечно, слышал, – отвлекся от своих мыслей генерал, – сейчас о нем пишут книги и ставят фильмы. А почему ты спрашиваешь?

– Две операции мы проводили с ним совместно. Тогда он был совсем молодым и никому не известным «шакаленком». Карлос Рамирос Ильич. Так звали этого придурка. Даже в имени его была какая-то насмешка. А как глупо он потом попался в Африке! Все пишут о нем как о великом герое, а его взяли в Африке необученные болваны, которые только недавно слезли с дерева.

– Его взяли французские спецслужбы, – возразил генерал.

– По наводке африканцев, – отмахнулся Рашников. – Слава богу, я еще не забыл английский и смотрю все зарубежные передачи. Но в чем была его сила? Почему ему столько лет удавалось уходить от всех спецслужб мира, почему до этого случая никому и никогда не удавалось его вычислить? Вот ты не знаешь ответа на этот вопрос. И никто не знает. А я знаю, – торжествующе сказал «ликвидатор».

– Почему? – словно зачарованный, спросил генерал.

– Он никому не доверял, – усмехнулся Рашников, – то есть абсолютно никому. Он уже тогда, в начале семидесятых, сумел все правильно просчитать. Любая организация, как бы сильно законспирирована она ни была, состоит из живых людей. Любая секретная организация – это прежде всего бюрократическая машина, принимающая заказы от политиков и контролирующая их выполнение своими агентами. Рано или поздно в любой машине может произойти сбой: либо

в организации появится предатель, либо сама организация решит сдать своего агента. Чаще всего эти сволочи-политики избавляются от собственных агентов.

Ты же помнишь, что творилось в Москве в девяносто первом. Гнида Бакатин не нашел ничего лучшего, как отдать схему прослушивания американского посольства их послу. А как сдавали наших агентов за рубежом! Мы ведь так никогда и не узнаем, скольких сдали эти «перестроившиеся» генералы. А мерзавец Козырев! Он ведь не только Хонеккера сдал. Он заставил десятки наших агентов в Германии окончательно сделать выбор в пользу американцев. Вспомни, что у вас творилось, генерал. Даже Маркуса Вольфа, самого великого разведчика из всех живущих на земле, заставили уехать из нашей страны. Вспомни! И как контрразведку трахали все, кому не лень, тоже вспомни. Хорошо, что «академик» хоть разведку чудом каким-то сумел сохранить, хотя многих тогда все равно пришлось отозвать. Вспомни все это.

И согласись, что Шакал был прав, уже тогда поняв, что доверять нельзя абсолютно никому. Ни нашим спецслужбам, ни восточным немцам. Он ведь учился в Москве и неплохо знал наши порядки. Единственным условием выживания было полное отсутствие контроля и каких бы то ни было контактов с нашими агентами. Он этого правила придерживался, вот и весь фокус. А потом пишущая братия чуть не во всех уголках мира начала сочинять легенду о неуловимом Шакале, о его подвигах и невероятных приключениях.

Разгадка-то банальна. Он был неуправляемый сукин сын и всегда ждал подвоха одновременно от Москвы и Вашингтона, никогда не доверяя полностью никому из своих связных. И он был тысячу раз прав: из пяти «ликвидаторов», о которых я слышал в КГБ, четверых убрали наши же спецслужбы. Интересная статистика, тебе не кажется?

– Нет, – генерал хотел еще что-то сказать, но закашлялся. Затем, достав платок, вытер невольно выступившие слезы. – Нет, – упрямо повторил он, – я не занимаюсь статистикой.

– Напрасно, – усмехнулся Рашников, – а я ведь был наставником «Шакала». Мне даже немного обидно. Ведь все знали, что Шакал учился у Посла. Теперь о нем знает весь мир, а про меня забыли. Впрочем, я не в обиде, но сюда, в эту глушь, я приехал только с одной-единственной целью. Повторить его трюк. Заставить всех забыть обо мне. И ждать, ждать столько, сколько понадобится. Чтобы однажды передо мной появился такой вот генерал, рассказал бы о некоем

особом задании и предложил бы за него хорошие деньги. Большие, настоящие деньги. И вот тогда я исчезну отсюда по-настоящему. Исчезну навсегда, чтобы воскреснуть где-нибудь на Западе.

Генерал молчал. Он понимал, что все сказанное правда, но даже внутренне не хотел с этим соглашаться. Он не стал продолжать этот разговор и просто поинтересовался:

– Когда ты сможешь получить деньги?

– Это мы сейчас обговорим, – рассудительно ответил хозяин дома. – Сегодня воскресенье. Я позвоню тебе в среду. Какой у тебя мобильный телефон?

– Почему в среду? – не понял генерал. – На что тебе эти три дня?

– Генерал, – укоризненно произнес хозяин дома. В его взгляде проскользнула едва заметная ирония. Гость нахмурился. Он все понял.

– Ладно, пусть будет через три дня, – зло сказал он.

– Телефон, – терпеливо напомнил Рашников, – вы там в своих кабинетах теряете квалификацию.

Генерал, чертыхнувшись, произнес номер своего телефона. Рашников выслушал, кивнул. Записывать он ничего не стал.

– И учти, что оставшуюся сумму ты переведешь на мой счет в одном зарубежном банке. Я тебе сейчас напишу название банка и номер счета. А ты уж постарайся все запомнить, чтобы ничего не перепутать. Это мое условие. Иначе в среду я не приеду.

– Ты мне не доверяешь? – удивился генерал.

– Конечно, нет. Ты такой же профессионал, как и я. После того как твой заказ будет выполнен, останется только один человек, который будет знать о нашей встрече. Этим человеком буду я. Неужели ты думаешь, что я могу тебе довериться? А ты сам уверен, что удержишься от такого искушения – разом

решить все проблемы? Нет, генерал, я уже сюда не вернусь. И вообще больше никогда с тобой не увижусь. Я думаю, ты особенно не будешь скучать по мне.

– Не буду, – признался генерал. – Назови банк и номер счета.

– Я лучше напишу, – Рашников взял лист бумаги и написал название банка и номер счета. Генерал долго смотрел на лист бумаги, запоминая цифры. Наконец кивнул головой. Рашников аккуратно сложил лист пополам и убрал его в карман.

– Ты отправишь туда оставшиеся девятьсот тысяч, – напомнил Рашников, – переведешь деньги на счет с таким условием, что они будут разблокированы только через два месяца. Ровно через два месяца, день в день. Как видишь, у тебя будут гарантии. Если за два месяца я не сделаю того, о чем ты просишь, ты сможешь заблокировать получение денег. Хотя я считаю, что этот вариант исключен. Думаю, тебе хватит трех дней, чтобы перевести деньги. Девятьсот тысяч не такая уж большая сумма.

– Хватит, – кивнул гость. – Я меня к тебе только один вопрос. Откуда у тебя счет в банке? Я тебя есть помощник? Или ты заранее предвидел такую возможность? Заранее все просчитал?

– А иначе зачем бы я уехал из Москвы, – вдруг спросил «ликвидатор», – продал свою квартиру, вышел на пенсию и приехал сюда, в эту глушь, работать в спорткомплексе? Помощник… – он зло ухмыльнулся. – В нашем деле помощники не нужны. Думаешь, я идиот? Я, по-твоему, должен был остаться в Москве и жить на свою нищенскую пенсию? Я двадцать пять лет отдал КГБ, имел звание полковника, и что? Мне даже пенсию не платили вовремя. Что я должен был делать? Ходить на митинги под красными знаменами? Права качать, пенсию свою требовать? Глядишь, и ваша служба обратила бы на меня внимание. А в один прекрасный момент меня «случайно» сбила бы машина. Ну и что мне оставалось? Я уже тогда понял, что этот бардак надолго. Нужно было уйти в тень, затаиться, выждать, осмотреться. Я ведь знал, что однажды меня отыщут и предложат настоящее дело. И я готов к этому. Насчет моих отпусков ты был прав. Дважды мои товарищи находили меня. Заказы были пустяковыми, платили за них гроши. И хотя, по большому счету, я не имел права рисковать, но приходилось браться за эту работу: мне нужно было на что-то жить, лишних денег у меня не было – не скопил.

На самом же деле я сидел и ждал такого клиента, как ты, Кирюша. Чтобы сумел меня вычислить, разыскать, сумел меня уговорить. Я столько лет ждал этого разговора. И все эти годы питался одной ненавистью и одними воспоминаниями. Так что подготовился к этой встрече я давно. И о счете в банке позаботился, и обо всем остальном. Через два месяца меня в стране не будет. Паспорт у меня уже есть. Остается только выполнить твой «заказ» и исчезнуть. Навсегда выбраться из этого дерьма, Кирюша. Здесь бардак еще надолго. А мне это надоело. Мне уже много лет. На Западе я бы уже давно был миллионером. За то, что я сделал для страны, для нашей службы, мне должны были построить виллу и дать кучу девочек в придачу, обеспечив пожизненным содержанием. А вместо этого я живу в этой дыре на нищенскую пенсию и фиговую зарплату, которую мне уже несколько месяцев не выплачивают. Хочешь знать, какая у меня зарплата? Десять долларов по нынешнему курсу. Если я в Москве сяду перед нашим ведомством и буду просить подаяние, то я за один день заработаю больше. Ты понял? Ничего больше объяснять не требуется?

Генерал был поражен этим обрушившимся на него потоком затаенной злобы и ненависти. В словах хозяина дома было столько эмоций и энергии, что он почти физически почувствовал их воздействие на себя. Он не без труда перевел дыхание, поспешно поднялся и направился к двери.

– Я все сделаю, – пообещал он на прощание, – деньги переведу на твой счет. Я тебя все?

– Адреса, – ласково напомнил убийца, – ты должен мне назвать адреса майора Собникова, твоего местного друга и имя того парня, что встречал вас на вокзале. Мы ведь договорились?

Я генерала дернулось лицо. Он нахмурился, хотел сказать нечто обидное. Но, взглянув на хозяина дома, еще не остывшего от своего монолога, он промолчал. Немного помедлив, он взял лист бумаги и размашисто написал два адреса. Потом дописал имя сотрудника, передавшего им на вокзале машину. Показал бумагу Рашникову, высоко подняв руку. В отличие от руки убийцы, его – дрожала.

– Запомнил? – спросил он нетвердым голосом.

– Да, – кивнул тот.

Генерал скомкал бумагу и сунул ее в карман. Вышел их комнаты, спустился по лестнице. Убийца шел следом, ступая мягко и бесшумно. Генералу было неприятно чувствовать у себя за спиной этого человека. Он чуть согнул плечи. Спустившись вниз, он повернулся к Рашникову.

– Договорились, – сказал он, – жду тебя в Москве, – не протягивая руки, он кивнул на прощание и вышел из дома.

Рашников, оставшись один, криво усмехнулся.

– «Чувство реальности», – передразнил он своего гостя и коротко и зло рассмеялся.

Генерал сел в машину, приказал Собникову:

– Поехали быстрее.

– Все в порядке, Кирилл Сергеевич? – спросил майор.

– Все, – ответил генерал. Он искоса взглянул на Собникова. Потом неожиданно спросил: – Я тебя семья есть?

– Есть, – улыбнулся тот, – недавно женился. Жена ребенка ждет…

Генерал закрыл глаза. Он чувствовал себя подлецом. Хотя, как профессионал, вынужден был признать: Рашников прав. На самом деле участь Собникова была решена уже тогда, когда он взялся за разработку этого особого дела. Рано или поздно майора должны были убрать. Генерал снова посмотрел на сидевшего рядом с ним человека. Ему было уже не так стыдно. В конце концов, такая у них работа. Как сказал Рашников, в этом и состоит высшая мудрость палача. Нужно любить эту проклятую работу.

День пятый. Тверь. Понедельник. 25 июня.

Он возвращался домой, уставший от напряжения прошедшего дня. Раньше сотрудники контрразведки, особенно на местах, ничем не отличались от обычных чиновников. Они собирали сведения о неблагонадежных и контролировали перемещения всех иностранцев, даже случайно попадавших в их район или область. Но все изменилось в девяностые, когда криминогенная обстановка стала напоминать военные действия внутри страны. Распоясавшиеся уголовники всех мастей, почувствовав, что реальной власти в государстве нет, а чиновники, получившие возможность безнаказанно разворовывать доставшиеся им богатства огромной страны, заняты лишь тем, чтобы урвать кусок побольше, начали быстро и уверенно завоевывать позиции, подчиняя своему влиянию все новые сферы деятельности, объявив войну собственному населению. Все магазины и местные предприятия немедленно были обложены данью. Система хищений с помощью фальшивых авизо, получение льготных государственных кредитов под смехотворные проценты в условиях галопирующей инфляции, поражали своими масштабами. Миллиарды долларов бесконтрольно ходили по стране. Вдобавок ко всему те, кто были призваны охранять оружие некогда самой мощной армии, занялись его разворовыванием и распродажей. Таким образом, криминальный мир получил огромные деньги и возможность вооружаться. В той настоящей войне, которую он объявил государству, последнее, ясно, проигрывало.

Сотрудники милиции и ФСБ уже привыкли к многочисленным потерям в своих рядах. На работу офицеры выходили в бронежилетах и с табельным оружием, отлично сознавая, что каждый день, проведенный на службе, может оказаться последним.

Юрий Аримов пришел на службу в КГБ еще в те благословенные времена, когда на работу можно было ходить в костюме и галстуке, а рабочий день, начинавшийся с чашечки кофе, заканчивался ровно в шесть часов вечера. В отдаленном районе Тверской области, называвшейся раньше Калининской, где он начинал свою службу, все было тихо и спокойно. Иностранцев сюда не пускали, несколько информаторов с военных и полувоенных заводов исправно передавали свои сообщения, – в общем, шла обычная, будничная работа. Так было первые пять лет. Но затем все изменилось, особенно после того, как лет десять назад он переехал в Тверь, уже вернувшую себе к тому времени свое исконное имя. В городе начали появляться рэкетиры, сколотившие свои банды, активизировались мошенники и карманники, участились разбои и убийства.

Теперь, собираясь на службу, нередко приходилось надевать пуленепробиваемый жилет, да и заниматься приходилось все больше обезвреживанием опасных преступников. К сожалению, почти все преступники, с которыми приходилось сталкиваться, теперь были из разряда «особо опасных». Они были отлично вооружены, имели собственных информаторов среди правоохранительных служб, часто обладали опытом, которого не было у молодых офицеров милиции, и имели гораздо лучшее техническое оснащение.

Вчера у Аримова был выходной, но отдохнуть ему не удалось. Его вызвал полковник Кулаков, заместитель начальника областного управления по оперативной работе, и приказал встретить на вокзале двоих приезжих из Москвы. Тем нужна была машина, и Аримов вынужден был бросить все свои дела, встретить гостей на вокзале, отдать им ключи от автомобиля, а затем поздно вечером забрать машину в том же месте. Одни ключи были у него, а вторые незнакомцы спрятали в багажнике, как они и договорились.

Непонятно, зачем надо было затевать все это и почему нельзя было просто прикрепить автомобиль к приехавшим. Впрочем, Аримов догадался, что пожаловали важные гости и им, по всей видимости, нужно было обеспечить конфиденциальность. Иногда подобные поручения случались в их управлении, так что майор особенно не удивился. А вот следующий день принес неприятное известие. Рано утром его разбудили, сообщив, что днем в город пожалует сам Глухарь – так звали бандита, освободившегося два месяца назад и теперь терроризировавшего вместе со своими людьми сразу несколько районов области. Его подручные занимались рэкетом по всей территории области, но в некоторых районах их власть была просто безгранична. Известно было, что у Глухаря были свои люди среди сотрудников милиции. Поэтому к поимке бандитов пришлось подключиться и областному управлению ФСБ.

Засада оказалась неудачной. Глухарь подставил вместо себя троих бандитов, которые оказали ожесточенное сопротивление. В результате один сотрудник ФСБ был убит, а еще один тяжело ранен. К счастью, бандиты уйти не смогли. Двое были застрелены на месте, одного взяли раненым. Вернее, поначалу решили, что он мертв, и только поэтому не добили, как первых двоих. Оперативники не прощали, когда стреляли в их товарищей. Они отстреливали врагов, как волков, не давая никому пощады. И даже сдавшиеся бандиты получали пулю в лоб. Оперативники уже давно не верили ни в силу суда, ни в силу прокуратуры.

Аримов возвращался домой грязный и уставший. Часы показывали уже девятый час вечера. Вряд ли его будут искать так поздно в управлении, и он, не заезжая на работу, решил отправиться к себе, чтобы принять душ и отдохнуть.

Его довезли до дома коллеги. В автомобиле кроме него было двое сотрудников контрразведки. Вид у всех был немного забавным. Дело в том, что операция по задержанию бандитов проводилась прямо на улице, так что пришлось соблюдать конспирацию, чтоб не выдать себя раньше времени: бронежилеты на оперативниках были надеты под одеждой. Отчего они выглядели неестественно толстыми и неуклюжими.

Аримов попрощался со своими коллегами и, выйдя из машины, зашагал к дому. Надетая на нем куртка скрывала его неуклюжие формы. Он торопился скорее принять душ и лечь спать. Дома его никто не ждал. Несмотря на свои тридцать семь лет, он был еще не женат, предпочитая вести холостяцкий образ жизни. Кроме того, его профессия не располагала к ранней женитьбе, забота о хлебе насущном, домашние хлопоты и упорядоченный образ жизни не очень с ней вязались.

Было уже достаточно поздно, и во дворе почти никого не было. Подойдя к своему подъезду, Аримов открыл дверь и вошел. Дом был обычный, не элитный и стоял он не в центре города. Аримов получил эту квартиру четыре года назад и с тех пор жил здесь, даже не пытаясь переехать поближе к центру.

Пол в подъезде был заплеван, остро пахло мочой. На лестнице, как всегда, было темно. Лампочки разбивали или выкручивали с завидным постоянством, так что соседи отчаялись и перестали их менять, понимая, сколь это бесполезно. Аримов поморщился, поднимаясь наверх. Майор жил на последнем этаже, а лифт в их пятиэтажном доме не был предусмотрен.

На каждой площадке располагались две квартиры, рядом с его двухкомнатной находилась еще одна трехкомнатная, в которой жила семья бухгалтера какой-то фабрики. Семья была большая: сам хозяин квартиры, его жена и трое маленьких детей. Аримов иногда подвозил двоих старших детей в школу. Сейчас его машина стояла на ремонте, поэтому он и попросил коллег подбросить его до дому.

Уже на четвертом этаже его что-то смутило. После всех событий сегодняшнего дня нервы были так напряжены и восприятие обострено, что он улавливал какие-то вещи, которые в обычном состоянии ускользнули бы от его внимания. Еще никого не видя, он нутром почувствовал чье-то постороннее присутствие. Поднявшись еще на несколько ступенек, Аримов поднял голову. Сверху неторопливо спускался пожилой человек, лет шестидесяти. Наверное, к соседям приходил, подумал Аримов, посторонившись, чтобы пропустить старика. Тот так же неторопливо сделал еще несколько шагов, пройдя мимо поднимавшегося майора. И только оказавшись внизу, поднял голову и тихо спросил:

– Вы Юрий Аримов?

– Да, – улыбнулся майор, – вы приходили ко мне?

Реакция старика оказалась неожиданной. В руке у него мгновенно появился пистолет. Первый выстрел был точно в сердце, второй должен был пробить печень. Третий – в легкое. Аримов пошатнулся, схватился за перила и затем упал. Он явно не ожидал такого нападения. Старик удовлетворенно кивнул и наклонился к Аримову. Ему не понравилось выражение лица майора. И то, как он упал. Смертельно раненные люди обычно так не падают, это уж убийца знал точно.

Но он все три раза стрелял наверняка. Он не мог промахнуться с расстояния в один метр. В этот момент Аримов, чертыхаясь, начал подниматься. В руках у него был пистолет. Это было как видение, как ночной кошмар, чей-то дурной розыгрыш.

Пока Аримов поднимал руку, прошла целая секунда. Или чуть меньше. За это время Рашников понял, что произошло нечто невероятное. Таких случаев бывает один на тысячу. Я его жертвы оказался бронежилет, и выстрелы не могли причинить особого вреда.

И в тот момент, когда Рашников понял, что произошло, он неожиданно сделал шаг назад, оступился и кубарем покатился по ступенькам вниз. Это спасло ему жизнь. Аримов целился противнику прямо в голову, но из-за того, что тот оступился, выстрел попал в стену. Однако, падая, Рашников сам успел выстрелить и на этот раз не промахнулся.

Пуля попала точно в горло. Это был настоящий профессиональный выстрел убийцы. Горло не было защищено бронежилетом. Аримов захрипел и во второй раз упал. Пистолет выпал у него из рук. Он несколько раз дернулся. Убийца поднялся, подошел ближе и сделал еще один выстрел. Последний. Контрольный.

Он постоял еще несколько секунд, затем наклонил голову, как бы отдавая должное коллеге, и, повернувшись, тихо стал спускаться вниз.

Через полчаса Аримова обнаружила жена бухгалтера, спускавшаяся к соседке. Наткнувшись на мертвое тело, она сумела подавить крик. Ее громкий голос напугал бы детей, и они наверняка выскочили бы на площадку. Женщина взяла себя в руки, спустилась этажом ниже и от соседей позвонила в милицию.

День пятый. Москва. Понедельник. 25 июня.

На этот раз встреча состоялась поздно вечером. Кирилл Сергеевич отправился к себе на дачу, а по дороге его машина, как бы случайно, свернула в сторону, к другому дачному поселку. В последнее время вокруг Москвы выросло много элитных дачных поселков, в которых проживали непомерно расплодившиеся за последние десять лет чиновники. Это были не те чиновники, которые составляли особый номенклатурный класс при советской власти. Это были люди абсолютно другой породы. Циничные, беспринципные, не имевшие никаких идеалов. Если среди прежних все-таки попадались наивные идеалисты или, на худой конец, карьеристы, то новый чиновничий класс, возникший в девяностых годах в России, был уже совсем иной кастой. Это были люди, которые достаточно быстро осознали, что после девяносто первого года в России существовала только видимость власти. Огромное государство, одно из самых больших в мире, было фактически отдано на откуп людям без чести и совести, не имевшим представления о таких понятиях, как добро и справедливость, патриотизм и уважение к собственной истории. Они с презрением и пренебрежением относились к людям, среди которых жили.

Неслыханные состояния наживались в рекордно короткие сроки, чиновники становились легальными миллионерами и миллиардерами. Постепенно эти молодые и не очень молодые люди превращались в своеобразную замкнутую касту, где царила атмосфера взаимного покровительства и взаимной выручки,

где все покрывали друг друга, продолжая разворовывать страну в невиданных прежде масштабах, и куда посторонним доступа не было.

Генерал свернул к одному из дачных поселков, в котором жили не последние представители этой новой касты, и въехал в него, минуя охрану. Я его водителя было специальное удостоверение, обеспечивавшее свободный въезд на территорию. Машина проехала дальше, минуя целый ряд домов. Здесь обитали довольно многие знакомые генерала. В том числе и один из заместителей директора ФСБ. Кирилл Сергеевич посмотрел на часы и приказал водителю остановиться. Он всегда останавливался у этого дома, где жил какой-то предприниматель, с которым он даже не был знаком. Но водителю не следовало знать, к кому приехал Кирилл Сергеевич, – так было лучше для всех. Генерал проводил взглядом отъехавшую машину и затем зашагал в глубь поселка. Через двадцать минут он был у одной из загородных дач, где должна была состояться его встреча с «главным заказчиком». Тот приезжал сюда иногда для встречи с нужными ему людьми, используя дачу одного из сотрудников аппарата правительства.

Кирилл Сергеевич обошел вокруг дома, на всякий случай проверяя обстановку, – излишняя бдительность никогда не повредит, – и вошел в дом. Там его уже ждали и «главный заказчик», и хозяин дома. Тот уже собирался было выйти, чтобы оставить гостей наедине, когда «главный заказчик» предложил прогуляться вокруг дома. Они с генералом вышли на улицу. Было уже достаточно темно, и никто не смог бы узнать их среди деревьев.

– Нам нельзя встречаться у меня на даче, – словно отвечая на молчаливый вопрос собеседника, сказал «главный заказчик».

– Я понимаю, – кивнул генерал.

– Нам вообще какое-то время лучше не встречаться, – продолжал «главный», – все знают о моих отношениях с мэром. Могут пойти разные слухи, разговоры. Тебе это тоже ни к чему.

Генерал ничего не ответил. В таких случаях всегда лучше промолчать, не демонстрируя никакой реакции.

– Что у тебя? – спросил «главный».

– Все в порядке, – очень тихо ответил Кирилл Сергеевич, – нашел «специалиста». Толковый человек. Сделает все, как нужно. Но я обещал перевести деньги на его банковский счет.

– Сколько нужно? – быстро перебил его «главный».

– Девятьсот наличными, – сообщил генерал, решив утроить сумму, и девятьсот на счет. Это для начала. Счет должен быть заблокирован на два месяца. Ровно на два месяца.

– А если он обманет?

– Мы успеем вернуть деньги обратно, – пояснил генерал, – но он не обманет. Это профессионал. Он не станет брать денег, пока не выполнит свою работу. Он знает правила.

– Куда переводить деньги?

– Я могу написать.

– Не нужно, лучше скажи. Я меня хорошая память, я все запомню.

Генерал перечислил цифры и сказал, в каком банке открыт счет.

– Но его нужно заблокировать на два месяца, – напомнил он.

– Я запоминаю все с первого раза. Можешь не беспокоиться. Завтра деньги будут на счету. И, конечно, я переведу их не из России. Когда тебе нужны наличные?

– Послезавтра утром.

– Ты их получишь. Куда привезти?

– Лучше всего ко мне на квартиру. Я дам вторые ключи. Пусть кто-нибудь привезет и оставит деньги в квартире. Но так, чтобы он не знал, что именно

везет и к кому.

– Хорошо. На чемоданчике будет код. Три шестерки.

– Почему «три шестерки»? – не понял Кирилл Сергеевич. – Почему такой странный код?

– Легко запоминается. И потом, моя любимая цифра шесть. Удобное число. Делится и на два, и на три, и на шесть. И даже на четыре, если с половинкой. Удобное число. Запомнишь?

– Запомню. Пусть положат чемоданчик на стол.

– Ты уверен в своем «специалисте»?

– Абсолютно. Это лучший, кого можно было найти. Самый лучший.

– Хорошо. Но и на него должен быть другой «охотник».

– Сделаю. Я как раз завтра собираюсь с ним встретиться.

– А зачем нужно в таком случае переводить деньги? – не понял собеседник генерала. – Раз твоему «специалисту» они вообще не понадобятся?

– Это еще неизвестно, – честно признался генерал, – я, конечно, подскажу, где его искать, но не исключено, что он «съест» и своего «охотника».

– Он так опасен?

– Он лучший специалист. И вообще в нашем деле все опасно. Представьте, что вы выпускаете из клетки хищника. Неизвестно, кого он может съесть, вас или того человека, на которого вы его натравили.

– Я думал, что вы умеете дрессировать своих «хищников».

– Они не поддаются дрессировке, – хмуро сообщил Кирилл Сергеевич. – Вы знаете, что такое профессиональный «ликвидатор»? Сейчас таких практически уже нет. Они были нужны в семидесятые годы, во времена жесткого противостояния двух систем, которое порождало массу двойных агентов, перебежчиков, и их необходимо было устранять. Что «ликвидаторы» и делали. Они представляли реальную опасность для любого агента-перебежчика. Мне иногда кажется, что, кроме всего прочего, их использовали в качестве устрашения. Это была особая категория людей, и, пожалуй, обычному человеку трудно было бы их понять. Потом пришли другие времена, нужда в них пропала. А после восемьдесят пятого года к их помощи вообще перестали прибегать.

– Они вымерли, как мамонты? – пошутил собеседник генерала.

– Их отстреливали, как хищников, – очень серьезно ответил генерал, – отстреливали по одному. Я думаю, что сегодня во всем мире их осталось только несколько человек. «Ликвидаторов» готовили годами. Их учили не просто стрелять. Их учили при этом думать. Поэтому они не обычные убийцы. Они думающие убийцы.

– Хватит, – резко оборвал его «главный заказчик», – я не хочу больше ничего слышать об этих типах. Это все – реликты ушедшей эпохи. И чем скорее они исчезнут, тем лучше. В общем, ты получишь все, о чем договорились, и больше мне не звони. Если понадобится, я тебя сам найду.

– Остальные деньги мне нужны будут на следующей неделе, – напомнил генерал.

– Их передадут тебе так же, как и первую часть. И свои пять миллионов ты тоже получишь. Мы откроем тебе счет в швейцарском банке.

– Лучше в немецком, – попросил Кирилл Сергеевич, – в Швейцарии сейчас все счета под особым контролем.

– Пусть будет в немецком. Надеюсь, тебе аванс не нужен?

– Нет, – усмехнулся генерал, – я могу подождать.

– Договорились. Пошли в дом, а то уже поздно. Ты на который час вызвал своего водителя, чтобы он тебя забрал?

– Через час он будет ждать меня у ворот.

– Тогда я уеду первым. Давай ключи и назови адрес, куда привезти деньги.

Кирилл Сергеевич достал из кармана ключи и быстро пробормотал адрес. После чего оба собеседника вернулись в дом. Час спустя генерал возвращался к себе на дачу в прекрасном настроении. Он сумел не только выполнить все пожелания заказчика, но и устроить так, что к нему попадет часть денег наличными. Это его радовало больше всего. Он даже предположить не мог, что не потратит из этих денег ни одного доллара.

День шестой. Москва. Среда. 27 июня.

На вокзале всегда много суеты и толчется масса народа. Выйдя из вагона, Рашников недовольно поморщился. Он был в сапогах и длинном плаще, словно, несмотря на будний день, собрался ехать на дачу. На платформе «дачник» огляделся и, поправив кепку, уверенно зашагал по направлению к выходу. Через час он уже был в центре города. Еще час он провел в метро, постоянно меняя станции, переходя с одной линии на другую. И лишь убедившись, что все в порядке, выбрался наверх и, остановившись у первого телефона-автомата, набрал нужный ему номер.

– Слушаю, – ответил уже знакомый голос.

– Добрый день, – приветливо поздоровался Рашников.

На другом конце наступило молчание. Ожидавший с самого утра его звонка генерал тем не менее нервничал. Он уже знал, что случилось в Твери. Знал о том, что «ликвидатор» приступил к работе, и теперь никто и ничто не могло его остановить. Это была машина, уже получившая команду и бесстрастно выполнявшая «заказ оператора». С той лишь разницей, что выключить эту «машину» уже было нельзя. Можно было только уничтожить. Кирилл Сергеевич

знал об убийстве майора Аримова. Он с ужасом ожидал известий о смерти своего друга – полковника Кулакова, но убийца, очевидно, чего-то выжидал. А гибель Аримова списали на бандитов Глухаря, которых начали безжалостно отстреливать по всей области.

Генерал почувствовал, что его молчание затягивается. Кирилл Сергеевич не хотел признаваться даже самому себе, но временами у него появлялось ощущение, что он выпустил из бутылки джинна, которого загнать обратно уже не представлялось возможным. Прошло всего два дня, и уже был один труп. «Ликвидатор» работал четко и аккуратно. Генерал боялся этого человека. Боялся той легендарной славы, что окружала его имя, имя Посла, в семидесятые годы. Тогда в КГБ всем было хорошо известно, что в случае любой неудачи надеяться можно только на Посла. Он всегда подстрахует. Это был идеальный убийца для всех сложных, запутанных случаев. Он исправлял ошибки всех остальных, работая точно и без промахов. Все это промелькнуло в голове генерала в считаные секунды, когда он услышал в телефонной трубке голос Рашникова.

– Здравствуй, – наконец ответил он, – ты уже приехал?

– Как договорились. Я тебя все в порядке?

– Да, да, конечно, – быстро произнес Кирилл Сергеевич, – у меня все в порядке.

– Я буду тебя ждать через час там, где мы договорились, – напомнил Рашников и положил трубку. Он не любил много говорить по телефону. Профессиональные привычки давали о себе знать. Весь разговор должен был занять не больше минуты, чтобы невозможно было вычислить звонившего и устроить на него облаву. Даже если операторы засекали, откуда он звонил, через минуту Посол уже исчезал без следа. А за такое короткое время никакая специальная группа задержания прибыть на место не могла.

Генерал убрал свой мобильный телефон, посмотрел на часы. Нужно будет самому взять машину из гаража. Нельзя никому доверять это дело, подумал он, ни своему водителю, ни кому бы то ни было другому. Обязательно нужно взять машину.

Он вызвал свою секретаршу.

– Маша, я уеду и буду через два часа, – сообщил он.

– Только не опаздывайте, – напомнила она, – через полтора часа совещание у директора. Сообщили, что приедет представитель из администрации Президента.

– Совещание же вечером, – ошеломленно сказал он.

– Нет, – возразила секретарша, – через полтора часа. Его перенесли. Я уже вам докладывала утром, вы, наверное, не обратили внимания на время.

– Черт возьми, – пробормотал генерал. – Скажи, чтобы приготовили для меня машину.

– Вызвать водителя?

– Нет, я сам поведу.

Она не удивилась. Она знала, что он иногда садился за руль. В их ведомстве не задавали ненужных вопросов. Все понимали, что у генерала, как и у любого офицера спецслужб, могут быть внеслужебные встречи, о которых никто из коллег не должен знать.

Генерал посмотрел на часы. «Как все неудачно получается», – рассерженно подумал он. За полтора часа нужно съездить отдать деньги и сразу возвращаться, чтобы успеть на это чертово совещание. Как все это не вовремя! С другой стороны, может быть, это и к лучшему. Ему не хотелось задерживаться с Послом даже на лишнюю минуту. Он подсознательно боялся этого человека. Когда генерал думал о том, сколько трупов тот оставил за собой, с каким ставшим легендарным хладнокровием делал свою работу, ему становилось не по себе. Так что в глубине души он был рад тому, что можно будет быстро отдать заготовленные деньги и поскорее распрощаться с Рашниковым.

В этот момент позвонил директор ФСБ, которого, очевидно, волновало предстоящее совещание. Возможно, новый Премьер готовил почву для своего выдвижения в Президенты. А может, все было и наоборот: в администрации решили «сдать» Премьера и сделать ставку на его соперника. В любом случае

это совещание должно было продемонстрировать лояльность службы безопасности по отношению к администрации.

Директора интересовали различные вопросы, и его заместитель терпеливо отвечал, поглядывая на часы. Разговор занял около десяти минут, и, когда генерал наконец положил трубку, он облегченно вздохнул и покинул свой кабинет.

Несколько минут спустя он выехал из гаража, сидя за рулем служебного автомобиля. Дорога до нужного ему места заняла ровно десять минут. Он не торопился, времени в запасе у него было достаточно. Он приехал в свою квартиру, которую купил в центре города для свиданий с девушками, на которых обычно не жалел денег. В молодые годы он не отличался особой настойчивостью и привлекательностью, так что девушки его вниманием не баловали. Но, став солидным генералом и богатым человеком, он мог позволить себе вызывать сразу по нескольку молодых девиц, которые рады были исполнить любые его желания.

Квартира была оборудована сигнализацией, две сейфовые двери надежно защищали ее от возможных грабителей. В этой квартире он хранил некоторые свои личные вещи. Он огляделся по сторонам, достал пистолет из кобуры, которая висела у него с левой стороны, еще раз огляделся. Положил обратно оружие. И только затем достал ключи и открыл первую дверь. Все было в порядке. Дверь была заперта на замок. Он открыл вторую дверь. Вошел в квартиру, захлопнув обе двери. Затем быстро прошел в комнату. На столе стоял чемоданчик. Кирилл Сергеевич почувствовал, что нервничает. Он бросился к чемоданчику и попытался его открыть. Но тот не открывался. Замок был с кодом. От волнения генерал забыл шифр, который ему назвал «главный заказчик». Он потряс чемоданчик, едва не крикнув от раздражения. И только затем вспомнил шифр. Быстро набрав три шестерки, он открыл крышку. Так и есть. Девятьсот тысяч. Девяносто пачек стодолларовых купюр. Задыхаясь от счастья, позабыв обо всем на свете, он начал считать деньги, как будто его могли обмануть.

Девяносто пачек. Все точно. Он распечатал одну из них и принялся считать купюры. Одна пачка, вторая, третья... Он вдруг остановился и радостно рассмеялся, словно поняв, наконец, что происходит. Затем снова сложил пачки. Достал приготовленный пакет и, отсчитав тридцать пачек, сложил их туда, прикрыв сверху старыми газетами, которые нашлись на кухне. Посмотрел на

часы. Он провел здесь больше двадцати минут. Вспомнив о предстоящей встрече с Послом, генерал невольно поморщился. Он быстро уложил оставшиеся пачки обратно в чемоданчик. Здесь деньги оставлять нельзя. Он увезет их на дачу. Я него есть там тайник. Кирилл Сергеевич оборудовал его давно, несколько лет назад. Он предполагал хранить там кое-какие личные бумаги. О том, что тайник может пригодиться для такого количества денег, генерал и не помышлял.

Он еще раз взглянул на чемоданчик и заторопился к выходу. Закрывая двери, он подумал о Рашникове: «Надеюсь, он сделает все, как нужно». Забрав пакет с деньгами, генерал в который раз взглянул на часы. До назначенного времени оставалось еще около десяти минут. «Нужно будет передать деньги и поскорее вернуться в управление, чтобы успеть на совещание», – подумал генерал.

За десять минут он должен был доехать до нужного места, но, проезжая через центр, попал в автомобильную пробку. Напрасно он все время сигналил, пытаясь вырулить. Этим он только раздражал окружавших водителей. Напрасно он кричал и ругался, доказывая, что опаздывает. Вырвавшись из пробки только через пятнадцать минут, он несся по улицам, уже не обращая внимания на светофоры и правила дорожного движения. Нужно было успеть на встречу с Рашниковым. Нужно было успеть передать деньги. Это было единственное дело, которое он должен был сделать сам, которое он не мог доверить никому и ни при каких обстоятельствах. Можно было не сомневаться, что пунктуально работающий Посол все равно убрал бы того человека, которого бы он послал. А вместе с убийствами в Твери и предполагаемой ликвидацией Собникова это могло вызвать и ненужные подозрения.

Он опоздал больше чем на шесть минут. Бросив автомобиль в неположенном месте, не обращая внимания на запрещающий знак, установленный прямо у него над головой, он бросился к станции метро, где его должен был ждать Рашников.

На условленном месте того не было. Генерал огляделся вокруг: никого. От огорчения и злости он едва не зарычал. Неужели он успел уйти? Но почему тогда он не позвонил по мобильному телефону? Сжимая в руке пакет, Кирилл Сергеевич достал свой телефон, проверил – телефон работал. Странно, что Рашников не позвонил. И в этот момент он услышал у себя за спиной знакомый голос.

– Добрый день.

Он вздрогнул, испуганно оглянулся. Генерал забыл об умении Рашникова бесшумно возникать за спиной, словно из-под земли.

– Здравствуй, – нервно сказал Кирилл Сергеевич. – Ты куда пропал? – Он дрожащей рукой включил магнитофон, который был у него в кармане. Он хотел иметь гарантии на случай, если Рашников посчитает, что для обеспечения полной безопасности следует и его самого тоже убрать.

– Это ты опоздал, – ухмыльнулся убийца, протягивая руку.

Генерал торопливо отдал ему пакет.

– Деньги уже переведены, – быстро сообщил он, доставая из кармана сигареты.

– Знаю, – ответил убийца, – можешь считать, что твой счетчик включился. Ровно через два месяца я заберу остальные деньги. Твой заказ будет выполнен.

– Как мне тебя найти, если вдруг ты мне понадобишься? – спросил Кирилл Сергеевич. – По прежнему адресу?

– Нет. Каждый понедельник я буду включать свой телефон. Ровно на пять минут. Как сегодня. Если тебе будет что-нибудь нужно, ты мне позвонишь.

– Договорились, – выдохнул генерал, доставая зажигалку.

– Я тебя руки дрожат, – сказал напоследок Рашников, – нервы тебе лечить нужно, генерал.

– Иди ты к черту. Ладно, до свидания.

– Прощай. – Рашников повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Кирилл Сергеевич снова вздрогнул. Это было похоже на мистику. Он щелкнул зажигалкой, закурил сигарету, только теперь обнаружив, что руки действительно дрожат. Он взглянул на часы. До начала совещания оставалось около двадцати минут. И зачем только они перенесли его? Неужели это так

важно?

Он выключил магнитофон в кармане и зашагал к своему автомобилю. Там уже стояли двое сотрудников милиции, которые терпеливо ждали нарушителя. Они были, очевидно, из патрульной службы. Оба были сержантами.

– В неположенном месте остановили, – сказал один из них, молодой прыщавый парень с румяной откормленной физиономией. Он весело смотрел на Кирилла Сергеевича.

– Извините, – пробормотал генерал. Спорить ему не хотелось. Он попытался открыть дверь, но второй сержант помешал ему. Этот был пониже ростом, чем первый, худой, светловолосый, рано начинающий лысеть. Я него были злые, бешеные глаза. Он взглянул на нарушителя.

– Тебе говорят, ты нарушил, – сухо сказал он, – а ты собираешься уезжать?

– Я уже извинился, ребята, – поморщился генерал, – я здесь по служебной необходимости. Я меня важные дела были. Давайте разойдемся по-хорошему.

– Ну ты, парень, и хам, – сказал красномордый, – я тебе скажу, что таких давно не видел. Ты давай плати штраф, интеллигент, и потом можешь проваливать.

– А большой штраф? – Он подумал о деньгах, оставшихся в автомобиле. Удостоверение показывать не хотелось.

– Да уж кусок заплатить придется, – сразу уловил запах денег красномордый. По нынешнему курсу это было около сорока долларов. Генерал почувствовал, что начинает нервничать. К тому же времени у него было в обрез.

– Пошел ты… – послал он красномордого и, достав ключи, рывком открыл дверь.

– Ах ты сука, сопротивляться! – разозлился худощавый сержант. Он больно толкнул генерала в бок, и тот решил, что пора прекращать балаган.

– Я генерал ФСБ, – гневно произнес Кирилл Сергеевич, – сейчас я позвоню вашему министру.

– А я министр связи, – разухабисто заявил красномордый, – сейчас обеспечу тебя телефоном.

Но генерал, уже доставший удостоверение, ткнул его в морду сержанту. Тот читал удостоверение, вытаращив от ужаса глаза и задыхаясь от страха. Второй, поняв, что они нарвались на крупную неприятность, молча отвернулся. Как глупо можно было попасть впросак!

– Извините, – дрожащим голосом попросил красномордый.

– Фамилии, – рявкнул Кирилл Сергеевич, обретая обычную уверенность, – ваши удостоверения.

– Простите, товарищ генерал, – попросил второй, – мы ведь не нарочно... Вы действительно нарушили... мы ведь не знали.

Генерал действительно хотел выяснить их фамилии и позвонить начальнику городской милиции. Но затем подумал, что не стоит горячиться. О маршруте его поездки никто не должен был знать. Кроме того, в салоне автомобиля лежали шестьсот тысяч долларов.

– Ладно, – отмахнулся генерал, – идите к черту. Советую больше не попадаться.

Когда он сел в машину и отъехал, оба сержанта переглянулись. Милиционеры стояли как окаменевшие, не в силах выговорить ни слова.

– Повезло, – сказал, немного придя в себя красномордый, – а ты его еще сукой назвал.

– Ладно, – поморщился второй, – хватит трепаться. Это ты меня сюда позвал: «Смотри, нарушитель стоит!» Номер нужно было сначала проверить. А то в следующий раз на нашего министра нарвемся и не узнаем.

– Это точно, – уныло вздохнул первый, – их теперь так часто меняют.

Кирилл Сергеевич ехал очень быстро. До начала совещания оставалось меньше двадцати минут. Ему нужно было еще убрать чемоданчик в сейф, привести себя в порядок. И появиться в приемной за несколько минут до начала совещания. Шеф не любил, когда опаздывали.

При подъезде к центру снова начали возникать пробки. Он нетерпеливо сигналил, пытался протиснуться вперед, нарушая правила, и даже выскакивал на встречную полосу. Он слишком торопился.

Самосвал появился неожиданно, когда генерал в очередной раз выехал на встречную полосу. Он вдруг увидел прямо перед собой огромную надвигающуюся железную массу. Он еще сделал попытку избежать удара, ему удалось развернуть машину. Но самосвал неминуемо летел на него и со всей силой врезался точно в бок его автомобиля. Генерал не успел даже почувствовать боли, так стремительно все произошло. Хрустнули ребра, его тело было раздавлено в считаные доли секунды.

Вокруг кричали люди, плакала какая-то истеричная женщина. Растерянный водитель самосвала вылез из машины, не обращая внимания на то, что у него самого лицо было окровавлено. Какая-то бабушка закрывала глаза внуку, которого она держала за руку, а он все вырывался и пытался разглядеть, что произошло. Водитель растерянно повторял все время:

– Он сам выехал... он сам... он сам...

Через несколько минут появились автомобили патрульной службы. Еще через несколько минут приехала машина «Скорой помощи», но пострадавшему уже нечем было помочь. На заднем сиденье лежал «дипломат». Один из офицеров достал его и, раскрыв, мрачно процедил:

– Кто-то из «новых русских». Вез полный чемодан денег, сукин сын. Поэтому и спешил.

– И номера поставил служебные, – кивнул его коллега, – у них всегда так. За деньги кого хочешь покупают. А машина у него без наворотов. Обычная «Волга».

– Это у них мода теперь такая, – сплюнул первый офицер, – демонстрируют, какие они «патриоты». Нужно будет деньги оприходовать. А то потом его

дружки и адвокаты замотают нас по судам.

Офицеры патрульной службы, окружившие машину, никаких действий больше пока не предпринимали, так как ждали представителей ГАИ и прокуратуры. Приехавшие через несколько минут сотрудники ГАИ сообщили, что машина действительно служебная и прикреплена к ведомству ФСБ. Из контрразведки не сообщали, кому именно была выделена машина, но на всякий случай сообщение о случившемся пошло в московское управление ФСБ. Только через полчаса тело погибшего наконец смогли достать из покореженного автомобиля. Кто-то из сотрудников милиции достал из кармана генерала удостоверение и с ужасом прочел звание и должность погибшего. Как раз в этот момент к месту аварии подъехали сотрудники ФСБ. Они не успели даже забрать удостоверение, как появились сотрудники прокуратуры. И все стоявшие у места аварии люди – следователи, офицеры контрразведки, офицеры милиции, врачи «Скорой помощи», техники, помогавшие доставать тело из машины, случайные прохожие, обычные зеваки – оказались в курсе того, что погибший – генерал ФСБ и вез он на заднем сиденье своего автомобиля «дипломат», в котором было шестьсот тысяч долларов. К вечеру об этом говорил уже весь город...

А потом из кармана генерала достали и магнитофон...

День седьмой. Москва. Пятница. 29 июня.

Больше всего на свете она любила поваляться в постели по утрам. И почти никогда ей это не удавалось. В будние дни нужно было рано вставать, чтобы отправить в школу сына, который умудрялся почти всегда опаздывать, хотя школа была совсем рядом. А в выходные дни всегда что-нибудь случалось. Или мужа срочно вызывали на работу, или он отправлялся с друзьями на рыбалку, или какой-нибудь ранний звонок будил не вовремя.

Элле Кужелевой шел двадцать седьмой год. Она довольно рано вышла замуж и уже в девятнадцать лет родила Павлика. Муж был не только лучшим студентом на их курсе, но и капитаном гандбольной команды института. Все девушки сходили с ума из-за Саши, ради него они даже стали ревностными поклонницами гандбола и ходили на все матчи болеть за любимого капитана. Элла была единственной, кто ни разу не появился на соревнованиях, и вообще ничего не

хотела слышать о гандболе. Однако именно ей Саша сделал предложение, смирившись с полным отсутствием у будущей жены интереса к его спортивным достижениям.

Еще он любил рыбалку, и здесь Элла мужественно пыталась разделить с мужем радость от сидения с удочкой в предрассветные часы. Но после того как однажды она заснула на рыбалке и едва не свалилась в воду, он понял, что и это его хобби оказалось не для нее. Во всем же остальном они удивительно быстро находили общий язык, словно были рождены друг для друга. Среди семейных пар иногда попадаются подобные счастливчики, когда муж и жена как бы сливаются в единое целое. Для таких семей не существует проблем совместимости.

Она не была красавицей. Обычное круглое лицо, курносый носик, ямочки на щеках, короткая прическа – скорее, ее можно было назвать симпатичной. Но сердце Саши она покорила сразу и навсегда. После Эллы он уже не обращал внимания на других женщин, несмотря на то что в первые годы некоторые сокурсницы всячески пытались привлечь Сашино внимание, не веря в прочность их брака. Однако все попытки были обречены на провал. Саша был высоченного роста – метр девяносто один, и Элла, с ее метром шестьдесят пять, выглядела рядом с ним маленькой и хрупкой. Девчонки-завистницы прозвали ее «коротышкой» и все никак не могли смириться с тем, что их голубоглазый, светловолосый кумир среди всех выбрал именно ее. Саша же где-то вычитал, что у Сократа жена была очень маленького роста, что не мешало философу гордиться своей «половиной», и полу в шутку, полувсерьез, сравнивал себя со знаменитым греком, подчеркивая свое уважение к жене.

Саша сделал свой выбор и, похоже, никогда о нем не жалел. Он не очень-то умел ухаживать, говорить нужные и красивые слова. Обратив внимание на Эллу, он предложил проводить ее до общежития. Если бы она начала отнекиваться, кокетничать, пытаясь ему понравиться, он, очевидно, потерял бы к ней всякий интерес. Но она неожиданно легко и просто согласилась. Ему вообще было с ней всегда очень легко, словно с надежным другом, с которым они понимали друг друга абсолютно во всем.

Он провожал ее до общежития три месяца, пока наконец не решился впервые обнять. Она доверчиво прижалась к Саше, затем подняла к нему свое лицо, посмотрела в глаза, и в этот момент он понял, что никогда ни при каких обстоятельствах не сможет обмануть ее. Вечером они впервые были близки. Он

был ее первым мужчиной. Она ждала принца, не обращая внимания на подтрунивания подруг. И ее терпение было вознаграждено – он появился. Саше же вдруг показалось, что все женщины, с которыми он до сих пор встречался, не стоят ничего рядом с этой милой, доброй, открытой и чуть наивной девушкой. На следующий день он сделал ей предложение. И она сразу согласилась. Еще через месяц была их свадьба. А ровно через восемь месяцев родился Павлик.

За девять лет совместной жизни они умудрились ни разу не поругаться. Иногда в первые несколько лет они ссорились. Но затем быстро мирились, причем инициатива исходила от обоих. Элла не умела долго дуться в подобных случаях, а Саша справедливо полагал, что мужчина обязан первым извиняться при всех обстоятельствах независимо от того, кто был инициатором ссоры.

Все началось с того, что Саше предложили поехать на сборы в Карелию, в тренировочный лагерь, в котором побывали его друзья в прошлом году. Павлик, конечно, захотел поехать с отцом. Лагерь был мужской, так что Элла составить им компанию никак не могла. И вот вчера она проводила своих мужчин и осталась впервые одна. Это было так непривычно, что вечером она даже немного всплакнула. Правда, позвонила Сашина мама и довольно долго рассказывала о своей подагре. Элла терпеливо и внимательно ее слушала. С первого дня своего замужества она поняла, как трогательно и нежно любит Саша своих родителей. Ей не только не пришло в голову ревновать его, наоборот, она обрадовалась, что в семье мужа царят мир и согласие. Элла всегда считала, что человек не может плохо относиться к собственным родителям, иначе он очень плохой человек. Отношение Саши к родителям, у которых он был старшим сыном, ее радовало и трогало одновременно. Именно поэтому она терпеливо слушала свою свекровь почти полчаса.

Когда разговор наконец закончился, она положила трубку и отправилась на кухню, чтобы сделать себе бутерброд. И именно в этот момент она услышала стук в дверь. Это показалось ей странным, все, приходившие в их дом, пользовались звонком. Да и кто это мог быть в такое позднее время? Она подошла к двери и посмотрела в глазок. Никого не было. Она хотела отойти, когда снова услышала стук в дверь. Растерявшись, она снова посмотрела в глазок. Ей показалось, что на полу кто-то лежит. Элла была добрым, открытым человеком, ей и в голову не приходило, что кто-нибудь может причинить ей вред. Поэтому она, не задумываясь, открыла дверь – и замерла от ужаса. На полу, перед входом в квартиру, лежал молодой мужчина. Он было очень бледен, руками держался за живот и тихо стонал.

– Вам плохо? – спросила Элла, наклонившись к нему.

Неизвестный что-то простонал. Она выглянула на лестничную площадку. Там никого больше не было. Она еще раз посмотрела по сторонам и услышала отдаленные крики снизу.

– Он здесь, – она различила слова, донесшиеся откуда-то с нижних этажей. Она еще раз посмотрела на неизвестного. Она не знала, как ей поступить. Она была напугана и растеряна. А вместе с тем она поняла, что лежащий мужчина ранен и, очевидно, мучается от боли. Элла отбросила колебания. Она наклонилась и схватила мужчину за плечи. Он снова застонал, что-то пробормотав. Снизу слышны были шаги на лестнице. Заработал лифт. Очевидно, кто-то преследовал несчастного, проверяя все этажи по очереди. Элла порадовалась, что она жила на одиннадцатом этаже. Она втащила мужчину в квартиру. На площадке на полу осталась узкая полоска крови.

Неизвестный чуть шевельнулся и что-то пробормотал. Элла не поняла. Она нагнулась к нему и переспросила:

– Что?

– Кровь, – простонал мужчина, – они найдут...

Элла быстро сообразила, что надо делать. Оставив раненого в коридоре, бросилась в ванную комнату. Схватила мокрую тряпку. Открыла дверь. Преследователи были уже на пятом или шестом этаже. Она наклонилась, протерла пол. Побежала к лестнице. Вытерла капли крови и там.

Черт возьми, они все равно догадаются, что он здесь! Внезапно ей пришла в голову одна мысль. Она нервно закусила губу. Преследователи были уже на восьмом, нужно решаться! Она влетела в квартиру, выдвинула ящик трюмо и достала булавку. Схватила сумочку, в которой лежали ключи от квартиры, и выбежала обратно на площадку. Слава богу, не нужно было переодеваться – Элла никогда не любила халатов и ходила дома в брюках и свитере. Она тихо закрыла дверь в квартиру, подошла к лестнице, ведущей наверх. Не проронив ни звука, она уколола булавкой палец – и вот уже несколько капель крови капнули на перила. Двенадцатый этаж, лестница на чердак... Пусть думают, что он ушел по крыше. Уже спускаясь вниз, она услышала голоса преследователей. Они были

на десятом. Элла замерла. Она стояла на площадке между этажами и пыталась сообразить, куда ей двигаться.

Главное – не нервничать. Спускаться к себе сейчас нельзя. Двое преследователей поднялись на лифте на двенадцатый. Еще двое поднимались по лестнице на одиннадцатый.

– Откуда у него столько сил? – удивленно спросил один. – Мы ведь его, кажется, задели.

– Жить захочешь и не так побежишь, – назидательно сказал второй.

– Мы наверху, – крикнули с двенадцатого, – здесь никого нет!

Элла собралась с силами и начала спускаться вниз. Главное – спокойно пройти мимо своей квартиры. Сердце колотилось, как никогда в жизни. Она подумала, что так нервничала, только когда рожала Павлика. Двое незнакомцев чуть посторонились, пропуская молодую женщину. Элла прошла мимо, лицо у нее пылало. И в этот момент один из незнакомцев обратился к ней:

– Вы никого здесь не видели, девушка?

Она замерла. Этого Элла боялась больше всего. Она абсолютно не умела обманывать. Не умела лгать, глядя человеку в глаза. Собственно, ни дома, ни на работе ей лгать не приходилось. Но она категорически не умела этого делать даже по пустякам. Если вдруг она задумывала какой-нибудь сюрприз для мужа и ей надо было всего-навсего не выдать его раньше времени, то и это ей не удавалось – выражение лица сразу выдавало Эллу.

– Ч-что вы сказали? – запинаясь и еще больше краснея, спросила она. Следующий вопрос мог оказаться роковым. Она это почувствовала. Но в этот момент сверху крикнули:

– Он здесь! На лестнице кровь. Он вылез на чердак. Быстрее сюда.

Оба преследователя, уже не обращая на нее внимания, побежали наверх. Элла дождалась, когда они скроются, и с бьющимся сердцем подскочила к своей

квартире. Отперла дверь, быстро вошла, закрыла все замки, и едва не рухнула от нервного напряжения. Раненый уже не стонал. Он лежал на полу без движения.

– Эй, – испуганно позвала его Элла, – вы живы?

День седьмой. Москва. Пятница, 29 июня.

Все газеты сообщили о загадочной смерти заместителя директора ФСБ генерала Кирилла Сергеевича Лосякина. И о том, что в автомобиле погибшего нашли огромную сумму денег. Водителя самосвала, который совершенно не был виновен в аварии, на всякий случай арестовали, и теперь его беспрерывно допрашивали сотрудники прокуратуры и контрразведки.

Директор с отвращением посмотрел на лежавшую перед ним стопку газет. Журналисты словно с цепи сорвались. Они почувствовали, что тут кроется какая-то тайна, и будут теперь копать, копать, пока не нащупают чего-нибудь. «А ведь на самом деле, что это были за деньги, чьи, как они оказались в салоне автомашины?» – подумал директор. Вообще-то он догадывался, что деньги принадлежали его погибшему заместителю. Он понимал также, что такая сумма не могла появиться случайно. К тому же в кармане генерала был найден этот проклятый магнитофон. Придется теперь раскапывать всю эту историю. А пока что газетчики подняли шумиху вокруг гибели генерала, «дипломата» с долларами, и все это может возбудить ненужные подозрения против ФСБ.

Директор снова взглянул на газетную стопку и, подняв трубку, приказал вызвать другого своего заместителя, благо их число приближалось к десятку. Через несколько минут в его кабинет вошел генерал Потапов. Он кивнул директору и прошел к столу.

– Садитесь, – пригласил хозяин кабинета и пристально посмотрел на Потапова.

Это был человек среднего роста с редкими волосами. Я него было постоянно мрачное выражение на лице и напористый колючий взгляд. Он был одним из заместителей, который сумел уцелеть при нескольких сменивших друг друга

руководителях. Возможно, его ценили за профессионализм. Директора спецслужб подолгу в своих креслах не удерживались, кадровая чехарда нарушала весь ритм работы. В таких обстоятельствах необходимость в профессионалах была очевидной. Кто-то должен был заниматься конкретными делами.

– Что-нибудь выяснили? – строго спросил директор. Он с некоторым облегчением подумал, что Президент серьезно болен и ему не придется докладывать обо всей этой истории и, главное, о магнитофонной записи, найденной в кармане погибшего генерала ФСБ.

– Судя по всему, запись была сделана в тот же день или чуть раньше, – доложил Потапов, – эксперты считают, что один из говоривших, безусловно, погибший. А вот идентифицировать второго практически невозможно. Единственное, что могут сказать эксперты, это что ему много лет.

– Как это много? – не понял директор. – Он что, старик?

– Во всяком случае, достаточно пожилой человек. Это пока все, что удалось выяснить. Я не могу без вашего согласия подключить другие службы, чтобы попытаться более детально проанализировать голос говорившего.

– Что еще удалось установить?

– Судя по разговору, речь идет о конкретной акции, за которую Кирилл Сергеевич готов был заплатить, – пояснил Потапов. – Он сообщил, что «деньги уже переведены», а его собеседник ответил, что знает обо всем. Непонятно только, почему в салоне автомобиля оказалась такая сумма в долларах. Если Кирилл Сергеевич вез ее для передачи своему собеседнику, то почему не передал? А если перевел деньги, то откуда взялась эта наличная валюта? Мы пока не выяснили. Но определенно можно сказать, что речь идет о некой конкретной акции, которая должна быть проведена в течение ближайших двух месяцев.

– И какая акция, вы, конечно, не знаете?

– Пока нет. Мы даже не можем установить место встречи и человека, с которым генерал встречался. Мне нужно получить ваше согласие на проведение

широкомасштабной экспертизы.

– Вы читали, что пишут во всех газетах? – показал на стопку директор ФСБ.

– Я стараюсь не обращать внимания на их нападки, – мрачно отмахнулся Потапов.

– И очень напрасно. Они все, как по команде, бросились на это дело. Если кто-нибудь разнюхает и про магнитофонную запись, неизвестно каким образом оказавшуюся в кармане погибшего, будет такой скандал, что наше ведомство вообще можно будет закрывать. В лучшем случае полетят наши головы. В худшем – примут решение о реорганизации ФСБ. Вы ведь знаете нашего нового Премьера, ему нужно очки зарабатывать. Разборка с бывшими сослуживцами – очень удобная точка для этого. Люди не любят, когда их предают, но не отказывают себе в удовольствии предавать других.

Потапов оценил сентенцию своего руководителя и кивнул в знак согласия. Затем спросил:

– Мне подключать аналитиков из других подразделений?

– Сделаем так, – решил директор, – уберите голос погибшего, чтобы он не фигурировал. Или измените его голос так, чтобы никто не мог узнать Кирилла Сергеевича. А с его собеседником нужно разобраться. Нужно выяснить, кто это мог быть. Психологов нашли?

– Я меня есть на примете эксперт, с которым мы раньше работали. Может, вы слышали? Он работал с нами в Сибири, над кражей ЯЗОРДов, помогал нам в расследовании нескольких громких уголовных дел. Я ему полностью доверяю. Он человек, обладающий исключительными способностями. Если вы разрешите, я дам ему послушать пленку.

– Вы можете за него поручиться? – быстро уточнил директор. – Учтите. Никто не должен знать о нашей находке. Никто, пока мы сами не разберемся, – быстро поправился он.

– Это один из лучших экспертов в мире. Если не самый лучший, – воодушевленно сообщил Потапов. – Может быть, вы слышали о нем. Это Дронго.

– Это тот загадочный эксперт, про которого ходит столько легенд, – усмехнулся директор, – я всегда думал, что это вымышленный персонаж. Наши сотрудники иногда говорят в сложных случаях – надо позвать Дронго. Я думал, это обычная шутка.

– Нет, это вполне реальный человек, – сказал Потапов. – Я него сложный характер, но в таких случаях он просто незаменим. Я думаю, что равных ему сегодня нет. Конечно, мы будем работать и с нашими экспертами, но они определяют голос с помощью приборов, а Дронго может уловить нюансы поведения человека по его разговору. Даже по такому короткому, как этот.

– Почему вы не оформляете его штатным экспертом?

– Он не хочет, – ответил Потапов, – ценит свою независимость. Кроме того, он иногда практикует и как частный детектив.

– Тоже мне, Шерлок Холмс, – пробормотал директор, – и почему у него такая странная кличка? Почему никто не называет его по имени?

– Он взял себе такую кличку очень давно, – пояснил Потапов, – дронго – это небольшая птица, которая обитает в юго-восточной Азии. Говорят, что эти птицы отличаются необычайной храбростью и не боятся никого в небе. Вот почему он взял себе такое имя. И с тех пор иначе его не называют. Если вы разрешите, я найду его и попрошу прослушать запись. Голос Кирилла Сергеевича мы уберем, а вместо него я наговорю на пленку слова. Важно, чтобы Дронго услышал весь текст разговора целиком.

– Хорошо. Но это всего лишь один из возможных вариантов. Главное, чтобы поработали наши эксперты. Пусть проверят модуляции голоса, его тембр, акцент, чистоту произношения. В общем, все как полагается. Пусть дадут конкретное заключение.

– Они работают только второй день, – напомнил Потапов.

– Пусть поторопятся. Я хотел бы знать, какой именно «счетчик» включен, – раздраженно заметил директор, – кому переводил деньги Кирилл Сергеевич. Откуда они вообще у него? Мне уже два раза звонил Генеральный прокурор, требует организовать тщательную проверку по тем деньгам, что нашли в машине. Хорошо еще, что они не знают о пленке. Откуда все-таки у генерала были такие деньги? С кем он был связан? Чье поручение он выполнял, встречаясь с этим человеком? Судя по разговору, они были знакомы. Что говорит водитель самосвала? Может, он намеренно устроил аварию, чтобы уничтожить генерала ФСБ?

– Парень в полной прострации. Типичный лимитчик. Я него семья, двое маленьких детей. Ютятся в одной комнате, какой-то коммуналке. От страха он чуть с ума не сошел. Я звонил в ГИБ… тьфу ты, черт, не могу выговаривать то слово… в общем, я звонил в бывшее ГАИ. Там абсолютно убеждены, что авария произошла в результате грубого нарушения правил самим погибшим. Водитель самосвала ни в чем не виноват. Это еще хорошо, что парень не растерялся. Иначе он мог врезаться в проходивший рядом троллейбус. Можно себе представить, сколько тогда было бы жертв. Да и вообще все могло обернуться гораздо хуже...

– Кто может знать, что лучше, что хуже. Никому из нас неведомо, что завтра с нами будет, – мрачно прокомментировал директор. – Что говорит прокурор?

– Трое суток завтра истекают. Он настроен освобождать парня.

– Он – понятно, а вы?

– Мы проверяем этого парня по всем линиям. Он никогда и нигде не мог встречаться с Кириллом Сергеевичем. Видимо, произошла роковая случайность. На дорогах были пробки, а покойный торопился на совещание...

– Только не говорите, что это я виноват в его смерти, – прервал директор, – проверьте всех знакомых погибшего. Всех до единого. Может, среди них появится человек, которому они перевели деньги. Хотел бы я знать, куда они их перевели. Проверяйте всех, даже соседей.

– Вы сами приказали не беспокоить семью погибшего несколько дней. С понедельника мы начнем оперативные мероприятия.

– С понедельника поздно. Из разговора ясно, что они с неизвестным были хорошо знакомы. И потом, вряд ли генерал ФСБ лично стал бы встречаться с каким-нибудь дворником. Судя по всему, это кто-то из «бывших». Проверьте по архивным материалам. Подумайте, кто это мог бы быть. Нам нужно найти этого сукина сына до того момента, когда он «выключит счетчик». Может, он планирует убийство Премьера? Или взрыв в людном месте? Или убийство какого-нибудь зарубежного гостя, прибывшего в Москву? Мы не можем гадать на кофейной гуще. Черт возьми! – Директор стукнул кулаком по столу. – Излишние политические пристрастия Кирилла Сергеевича всегда меня настораживали. Его принадлежность к определенной группировке всегда вызывала у меня некоторое неприятие. Вы же знаете о его близости с известным банкиром.

– Может быть, поговорить с этим банкиром? – предложил Потапов.

– Только этого не хватало! – испугался директор. – Не хватало, чтобы вы его уличили в связях с генералом ФСБ. Представляете, какой шум он поднимет в своих газетах.

– Я не это имел в виду, – пояснил Потапов. – Нам нужно довести до сведения банкира, что магнитофонная запись находится в ФСБ, и мы располагаем некоторыми сведениями о том, что погибший получил крупную сумму наличными и перевел на чей-то счет немалый гонорар за работу, которая должна быть сделана в течение двух месяцев. Банкир, о котором вы говорите, – умный человек. Он поймет, что исполнение этого заказа нужно остановить.

– Только в том случае, если он заказчик, – нервно ответил директор, – а если мы ошибаемся?

Потапов печально вздохнул. Собрал все бумаги и аккуратно сложил их в папку.

– В последние годы мы стали слишком часто ошибаться, – заметил он. – Мы ведь практически всегда знаем, кто конкретно стоит за тем или иным громким убийством, но доказать ничего не можем. Нет исполнителей – нет доказательств. Хотя нам точно известно, кому выгодно убрать известного журналиста или чиновника.

– Что вы хотите сказать? – нахмурился директор. – Думаете, вы придумали удачный план? А если он здесь ни при чем? А если он пойдет к Премьер-министру? Или еще хуже, расскажет обо всем в газетах. В этом случае у меня будут все основания вас уволить. И не по личному желанию, генерал.

– Я все понял, – поднялся Потапов, – но, по-моему, это наиболее разумный вариант. Иначе нам не остановить того неизвестного, с которым разговаривал Кирилл Сергеевич перед своей смертью.

– Ладно, – подумав, ответил директор, – пусть поработают эксперты. И подключите своего Дронго. Разговор с банкиром оставим на самый крайний случай. Если в ближайшие несколько дней мы не добьемся существенных результатов, дам вам разрешение на беседу. Под вашу личную ответственность, генерал.

– Хорошо, – кивнул Потапов, – пусть будет под мою ответственность. Разрешите идти?

– Поймите меня правильно, – вдруг сказал директор, – это очень грязное дело. Я первый раз в жизни не знаю, как мне поступить. С одной стороны, Кирилл Сергеевич погиб, и не хочется копаться в грязном белье погибшего. С другой – совершенно очевидно, что наш бывший коллега нанял исполнителя для осуществления некой акции, о которой мы можем лишь гадать. И я не знаю, что мне делать. Предположить можно все, что угодно, даже самое страшное. Может быть, он хотел занять мое место, – невесело предположил директор, – или его не устраивали вы… – Он заметил, как на какой-то момент на мрачном лице Потапова появилось насмешливое выражение. Или ему показалось? Он нахмурился и изменил тон: – К тому же обстановка в стране такая, что сейчас можно взорвать ситуацию. Скоро выборы, неизвестно кто одержит победу, что будет с Президентом. Мы обязаны предвидеть любой вариант развития событий, – закончил свою речь директор, глядя в глаза своему заместителю.

– Я вас понимаю, – ответил Потапов, – разрешите идти?

– Идите, – отпустил его хозяин кабинета.

«Слизняк, – подумал Потапов, выходя, – он всего боится».

«Болван, – подумал директор, глядя вслед генералу, – он совершенно не чувствует опасности».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВТОРЫЕ

СЕМЬ ДНЕЙ

День восьмой. Москва. Суббота. 30 июня.

Дронго сидел на диване и читал книгу. В последние годы он все чаще обращался к мудрости средневековых мыслителей, поражаясь их уму и умению в любые, даже самые тяжкие времена ставить истинные ценности превыше всего. Эразм Роттердамский, Монтень, Спиноза – им выпало жить в эпоху мрачного средневековья, когда на улицах городов полыхали костры – инквизиция расправлялась с еретиками, «ведьмами», «колдуньями», а эти философы пытались разгадать тайну человеческого бытия.

Дронго размышлял о мудрости и мужестве подвижников, несущих свет истины в любые, самые страшные, смутные времена, когда его размышления прервал телефонный звонок. Он недовольно взглянул на телефон. В последние годы ему казалось, что любая новость несет в себе некое разрушительное начало. Он становился консерватором. По всей видимости, сказывался возраст, но даже самому себе признаваться в этом он не хотел.

Включился автоответчик, предлагавший позвонившим оставить сообщение или свой номер телефона. После паузы он услышал знакомый голос.

– Мне нужно к вам приехать. Возьмите трубку, я знаю, что вы дома.

Дронго подошел к телефону и поднял трубку. Он узнал позвонившего человека – его металлический голос ни с каким другим не спутаешь. Не ожидая ничего хорошего от звонка, он буркнул:

– Я слушаю.

– В прежние времена вы сначала здоровались, – неприветливо заметил генерал Потапов.

– В прежние времена вы мне по вечерам не звонили и не демонстрировали с такой откровенностью, что следите за мной. Откуда вы знаете, что я дома?

– Я звоню снизу, – ответил генерал. – Когда у вас опущены все металлические жалюзи, можно быть уверенным, что вы дома. Обычно вы все наглухо закрываете, как будто боитесь, что в вас будут стрелять.

– Во-первых, я действительно боюсь, а во-вторых, вы ненаблюдательны. Они бывают закрыты и тогда, когда меня нет дома. Я только иногда днем открываю шторы и жалюзи. А вы, очевидно, приказали своим людям следить за моей квартирой, и они видели, как сегодня утром я выходил из дому, а потом вернулся. Вот и вся ваша проницательность. Я прав?

– С вами невозможно разговаривать, – ответил Потапов, – все-то вы всегда знаете. Вы разрешите мне к вам подняться?

– Вы уже приехали без разрешения, так уж чего там – поднимайтесь.

Положив трубку, он с сожалением убрал книгу, понимая, что почитать ему сегодня больше не удастся. Через минуту раздался звонок в дверь. Дронго открыл и впустил Потапова в квартиру.

– Я вас поразительная система наблюдения, – заметил гость, – говорят, что вы установили свои камеры по всему дому.

– Вам сказали неправду. Я не подглядываю за соседями, – заметил Дронго. – Я бы пригласил вас в гостиную. Но вы не тот гость, который пришел навестить старого друга. Думаю, вы пришли по делу. Поэтому давайте пройдем сразу в кабинет.

– Давайте, – согласился Потапов, – у вас есть дома скеллер или скремблер?

– Чтобы нас не подслушали? – усмехнулся Дронго. – Не волнуйтесь. В моем кабинете трудно будет нас услышать. Работают специальные генераторы шумов. Если, конечно, вы не придумали, как их глушить. Идемте в кабинет, генерал. Судя по тому, что вы пожаловали в субботу вечером, дело у вас действительно важное.

Они прошли в кабинет, устроились в глубоких кожаных креслах. Генерал огляделся по сторонам.

– Давно у вас не был. Вы традиционны в своих вкусах.

– Скорее консервативен, – усмехнулся Дронго, – в кабинете я работаю. И вещи расставлены таким образом, чтобы было удобно и функционально. Будете что-нибудь пить? Я помню, вы любите джин-тоник. Сейчас приготовлю для вас с лимоном.

– А вы, как всегда, пьете сок, – вспомнил генерал, – или ваше любимое красное вино?

– Нет, когда ко мне приходят по делу, только минеральную воду, – улыбнулся Дронго и вышел на кухню. Вернувшись, он протянул высокий стакан генералу и налил себе минеральной.

– Итак, я вас слушаю, – сказал он.

– Мне нужна консультация, – сказал Потапов и торопливо добавил: – Только консультация и ничего больше. Вы меня понимаете? Никакого расследования, никакой самодеятельности. Это очень серьезное дело, Дронго. Нам нужна ваша помощь. Или, скорее, ваша консультация, ваша экспертиза, – поправился генерал.

– Я пока не понял, в чем именно я должен вам помочь, – заметил Дронго.

– Я меня с собой магнитофонная запись, – объяснил Потапов, – разговор двух людей. Голоса первого вы не услышите. Голос второго я дам вам прослушать. Я бы хотел, чтобы вы дали свое заключение по этому голосу.

– Я вас что, нет лаборатории? – спросил Дронго. – По-моему, в ФСБ должна быть лаборатория, которая работает со звуком. Они определяют малейшие нюансы голоса, сличают тембр. Говорят, что голос невозможно подделать. Он как отпечатки пальцев. Передайте свою пленку в лабораторию, вам там все сделают.

– При чем тут лаборатория? – поморщился Потапов. – Они могут сличить голоса. А нам не с чем сличать. Мы можем установить некоторые особенности голоса. Кому он принадлежит – старому или молодому, мужчине или женщине. Но машины не могут определить характер человека по голосу. Возможно, если вы прослушаете пленку, вы сможете определить характер говорившего, и это поможет нам в наших поисках. Вы меня понимаете?

– Ясно. Ставьте вашу пленку. Я прослушаю, что у вас есть.

Потапов достал из кармана небольшой магнитофон, положил его на столик и включил запись. Послышался чей-то голос.

– Это ты опоздал, – сказал незнакомец. Затем характерное шипение, словно на пленку наложили другой звук или стерли запись, и следующие слова неизвестного: – Знаю. Можешь считать, что твой счетчик…

– Подождите, – прервал запись Дронго, – я так не смогу работать. Мне нужно знать весь разговор в комплексе. Слышать все, о чем говорили двое собеседников. Иначе я не смогу составить общее мнение.

– Это для вас так важно? – спросил генерал.

– А вы как думаете?

– Хорошо, – согласился Потапов, доставая из внутреннего кармана лист бумаги, – я буду озвучивать за второго собеседника их разговор. Излишне вам напоминать, что все сказанное должно остаться между нами. Абсолютно все. Вы должны понимать мои мотивы.

– Включайте запись, – согласился Дронго.

Генерал перемотал пленку и снова включил запись.

– Это ты опоздал, – сказал неизвестный.

– Деньги уже переведены, – прочел Потапов, взглянув на лист бумаги.

– Знаю, – послышался голос незнакомца, – можешь считать, что твой счетчик включился. Ровно через два месяца я заберу остальные деньги. Твой заказ будет выполнен.

– Как мне тебя найти, если вдруг ты мне понадобишься? По прежнему адресу? – прочел Потапов, чуть замешкавшись.

– Нет. Каждый понедельник я буду включать свой телефон. Ровно на пять минут. Как сегодня. Если тебе что-нибудь будет нужно, ты мне позвонишь.

– Договорились, – Потапов посмотрел на Дронго, тот сидел чуть наклонив голову в сторону, словно для того, чтобы лучше слышать.

– Я тебя руки дрожат, – насмешливо заметил незнакомец, – нервы тебе лечить нужно… – Он, очевидно, сказал еще какое-то слово, но оно было стерто.

– Иди ты к черту, – прочел Потапов ровным голосом и так же спокойно прочел оставшиеся два слова: – Ладно, до свидания.

– Прощай, – ответил незнакомец.

Послышался какой-то шум, пленка закончилась.

Дронго взглянул на Потапова.

– Я вас все?

– Да, – кивнул генерал, – больше нет ничего. Что вы можете сказать?

– Мне нужно прослушать еще раз, – попросил Дронго, – и не торопитесь. Вы меня сбиваете. Дайте мне лист бумаги, я сам буду читать ваш текст. Артист из вас никудышный. Вы слишком монотонно читаете. Я лучше сам попробую.

– Возьмите, – согласился Потапов, протягивая лист бумаги. Дронго прослушал запись еще раз, читая про себя ответы за второго собеседника. Затем вернул лист бумаги генералу. Задумался.

– Что вы можете сказать? – не выдержал Потапов.

– Говоривший немолод, – задумчиво сказал Дронго, – ему лет за пятьдесят.

– Еще скажите, что он мужчина, – разозлился генерал, – вы можете сказать что-нибудь о его характере?

– Он наблюдательный: обратил внимание на то, как дрожат руки у его собеседника. Достаточно прямой, смелый, решительный человек и в то же время – скрытный, хитрый, умный. Судя по разговору, это профессионал. Либо убийца, либо вор. Во всяком случае человек, который часто ходит по краю. И второй собеседник его явно боится.

– С чего вы взяли? – не понял генерал. – Вы же не слышали голоса второго?

– По разговору, – пояснил Дронго. – Кроме того, я обратил внимание на такой факт. Запись явно сделал второй собеседник, чей голос вы от меня скрываете. Очевидно, он заказал нечто важное своему партнеру. Но при этом у него были основания опасаться его, и поэтому он решился сделать запись этой беседы. Он боялся, что с ним что-нибудь может произойти, а эта магнитофонная запись могла быть гарантией его безопасности. Но исходя из того, что магнитофонная запись у вас, можно сделать два вывода. Либо второй собеседник мертв, и потому запись попала к вам. Либо он запуган настолько, что решил передать ее вам. Но я думаю, что второй вариант исключен.

– Почему? – Потапов как зачарованный следил за рассуждениями Дронго.

– Он бы сам более подробно рассказал вам о своем собеседнике. Они, очевидно, знали друг друга достаточно хорошо. Я думаю, несомненно, что этот человек –

убийца. Профессиональный убийца. Вор не стал бы говорить про дрожащие руки. Он бы сделал вид, что не заметил. А вот убийца обязательно бы сказал.

Еще один момент. Он сказал: «если тебе будет что-нибудь нужно». Довольно неуклюжая фраза. Этот человек не привык много говорить. Он, скорее, привык действовать. Но некоторые слова указывают на то, что он достаточно образован – «твой счетчик включился» и «я выполню твой заказ». Обычный бандит не стал бы так разговаривать. Кроме того, оба собеседника близко знакомы. В их отношениях есть нечто фамильярное, нечто, что заставляет предположить, что либо их связывала работа, либо они повязаны общим преступлением.

И еще. Я думаю, что они оба друг друга боятся. Или уж, по меньшей мере, не доверяют друг другу. Обратите внимание, в ответ на слова второго «до свидания» первый сказал «прощай». Очевидно, предполагалось, что больше они не увидят друг друга. И им явно совсем не хотелось больше встречаться.

– Понятно, – Потапов взял листок бумаги, убрал его в карман. Затем положил в другой карман магнитофон.

– Можете считать, что вы нам очень помогли, – сказал он, поднимаясь из кресла, – большое спасибо.

– Подождите, – остановил его Дронго, – разве вам не нужно найти этого убийцу? Судя по всему, у вас мало времени. Он назвал срок, в течение которого «заказ будет выполнен». Я вас не так много времени, генерал.

– Это уже наше дело, Дронго, – сказал на прощание Потапов, – спасибо за помощь. И не нужно никому рассказывать о нашей встрече. Это и в ваших личных интересах.

Генерал встал и пошел к выходу. Он уже был у двери, когда Дронго его спросил:

– Один из собеседников был ваш коллега, генерал, погибший три дня назад? Я которого нашли деньги?

Потапов зло оглянулся. Его взгляд не обещал ничего хорошего. Он мрачно процедил:

– Не нужно влезать туда, куда вас не просят, Дронго. Я просил вас только прослушать магнитофонную запись. Все остальное – ваши домыслы. Почему вы решили, что это мой коллега?

– Говоривший был профессиональным убийцей, – пояснил Дронго, – а ваш генерал, погибший три дня назад, всю жизнь работал в контрразведке, причем, насколько я знаю, в семидесятые годы он работал во внешней контрразведке. Возможно, он встречался с кем-нибудь из «ликвидаторов». Вам нужно уточнить по всему списку. Кроме того, деньги. В машине погибшего обнаружена крупная сумма денег. Об этом писали все газеты.

– Не нужно верить нашим газетам.

– Вы меня не поняли, генерал. Если я прав, то собеседником вашего погибшего коллеги был профессиональный «ликвидатор». Вы что, не понимаете, что это означает?

– Не заставляйте меня пожалеть, что я обратился к вам, – разозлился Потапов, – до свидания, Дронго. И выкиньте из головы все ваши фантазии.

Он вышел из квартиры, мягко закрыв за собой двери. Но было видно, что это далось ему с трудом. Дронго постоял немного перед закрытой дверью, повернулся и снова пошел в кабинет. Он еще достаточно долго сидел перед компьютером, вводя в него новые данные.

День восьмой. Москва. Суббота. 30 июня (продолжение).

Как она вчера намучилась с этим раненым. Он был тяжелым, поднять его не было никаких сил. Незнакомец был молодым, высоким и чем-то был похож на Сашу и на Павлика одновременно. Может, это заставило ее принять столь неожиданное и отчаянное решение. Ведь неизвестный мог оказаться бандитом, вором или насильником, но сердце подсказывало Элле, что это не так. Кроме того, она успела разглядеть его. На нем был хороший костюм, дорогая обувь. Он был прилично одет и выбрит. Нет, на бандита он совсем не был похож. Скорее, на бандитов были похожи его преследователи. Пока она тащила его к дивану в

гостиной, он испачкал кровью пол. Она совсем выбилась из сил и, остановившись передохнуть, даже спросила лежавшего без сознания человека:

– Это вы нарочно такой тяжелый?

Он, конечно, не ответил. Она наконец дотащила незнакомца до дивана. Сбегала в спальню, принесла свежую простыню, подушку. Постелила. Здесь иногда спала ее мама, когда приезжала к ним в гости. Элла посмотрела на незнакомца.

«Интересно, кто он такой?» – подумала она.

Когда она поднимала его на диван, он пришел в себя и едва слышно пробормотал:

– Только не звоните ни в милицию, ни в «Скорую помощь». Не нужно никуда звонить…

Незнакомец почти сразу потерял сознание, а она, тяжело вздохнув, принялась его раздевать. Он был весь в крови, нужно было найти и осмотреть рану. Больше всего она боялась, что он может умереть прямо у нее дома и тогда ей не только придется иметь дело с милицией, но и попытаться объяснить своему мужу, почему какой-то неизвестный молодой человек умер на их диване. Это пугало ее меньше всего. Она была уверена, что муж все поймет правильно. Но вот что она будет говорить милиции?

Раненый продолжал стонать. Она осторожно попыталась снять с него пиджак, но он застонал. Поняв, что раздеть его ей не удастся, она принесла ножницы и безжалостно разрезала пиджак. Она собиралась оказать первую помощь пострадавшему, а затем позвонить в милицию знакомому ее мужа – дяде Лене, который, кажется, работал в местном отделении. Нет, она не хотела отдавать несчастного в руки милиции, тем более что он сам попросил этого не делать. Она лишь собиралась посоветоваться.

Раненый дернулся. Из внутреннего кармана разрезанного пиджака выпал бумажник. Она наклонилась, подняла его и почувствовала запах дорогой кожи. Две кредитные карточки, и обе золотые. Ого! Этот тип еще и богач. На кредитных карточках было выбито имя на английском языке. Мирза Ягубов. Интересное имя. Откуда он взялся, этот неизвестный Мирза? И почему его

преследовали те незнакомцы? Наверное, они еще долго искали его на крыше, не понимая, куда он мог подеваться.

Она отложила кредитные карточки. Водительское удостоверение, на котором неизвестный выглядел гораздо моложе. Или ей так кажется. Нет, волосы у незнакомца были чуть тронуты ранней сединой, а на удостоверении – совершенно черные. И усы, кажется, раньше были более пышные, а теперь коротко подстрижены. Деньги. Она испугалась. Много наличных денег. Она достала пачку. Кажется, несколько тысяч долларов. Она опасливо взглянула на раненого. Может, он все-таки бандит? В бумажнике лежала небольшая фотография. Она достала ее. Двое милых чудных детей. Какие улыбающиеся лица! Нет, человек, который носит с собой такую фотографию, не может быть плохим человеком, решила Элла.

Она отложила бумажник со всем содержимым и начала снимать с раненого рубашку. Тот едва слышно стонал, но в сознание так и не приходил. Рубашка была вся в крови. Предполагая самое худшее, она принялась осматривать его. Тело у незнакомца было крепкое, с хорошо накачанными мышцами, как у ее Саши. При этой мысли она даже покраснела и убрала руку. Затем снова принялась за осмотр. На груди видимых повреждений не было. Правая рука была в крови. Она осторожно ее осмотрела. Раненый дернулся, застонал. Очевидно, пуля попала ему в руку. Неужели у него раздроблена кость, с ужасом подумала Элла. Она быстро подняла обрывки пиджака. Нет, судя по рукаву, пуля зацепила руку по касательной, задев в основном мышцы. Два пулевых отверстия – входное и выходное, расположенные совсем близко, – указывали на это достаточно четко. Значит, в руку его только легко ранили. И хотя он потерял много крови, от этого он не мог так стонать. Неужели есть еще одно ранение?

Она оглядела молодого человека. Его брюки также были мокрыми от крови. Элла снова покраснела. Нет, нужно звонить дяде Лене. Или сначала осмотреть тело несчастного? Может, он «родился в рубашке», и она не обнаружит у него тяжелых ранений. Дважды она бралась за ремень его брюк и дважды убирала руки. Конечно, нужно осмотреть его. Но с другой стороны – это был чужой мужчина. А она была дома совсем одна. Правда, он раненый и беспомощный, а она когда-то окончила медицинские курсы. Нет, нужно было решаться. В конце концов врач обязан оказывать помощь больному. И хотя у Эллы был всего лишь диплом медсестры, это ее подбодрило. И она наконец решилась.

Расстегнула ремень и попыталась стащить брюки. Раненый дернулся, очевидно, она сделала ему больно. Непонятно было, откуда столько крови, брюки были совсем мокрые и тяжелые. В конце концов ей удалось стащить их. Ноги были в крови. Неужели ей придется снимать и трусы? Она снова покраснела. Ну нет уж, подумала она решительно. Ни за что в жизни. Скорее, она позвонит дяде Лене.

Раненый снова дернулся. Черт возьми! Надо же что-то делать! Она растерянно огляделась по сторонам. И зачем только она втащила этого типа к себе в квартиру! Теперь уже ничего нельзя будет объяснить. Стараясь не глядеть на обнаженного мужчину, осторожно дотронулась до его трусов и начала их снимать. Они были в крови лишь снизу, сзади, словно пуля попала ему чуть ниже ягодицы. Она немного приподняла раненого и увидела спекшуюся массу крови на правой ноге. Неужели попали в вену, испугалась Элла. Тогда понятно, почему он такой бледный, очевидно, потерял много крови. Если там застряла пуля, ей придется вызывать врача. Она сама не сможет ничего сделать. Элла принесла бинты, вату, развела в теплой воде марганцовку и начала осторожно вытирать кровь. Мужчина дважды дернулся.

Крови было много. Обмыв немного рану, она поняла, что это не было пулевое ранение. Судя по всему, это был удар ножа. Она подняла брюки, осмотрела их. Так и есть. Они разорваны как раз чуть ниже ягодицы. Элла вздохнула. Конечно, он потерял много крови, но вена, кажется, все-таки не задета. Иначе он мог бы умереть от потери крови. Она вдруг с ужасом заметила, что снова началось кровотечение. Может, резинки на его трусах оказались своеобразным препятствием на пути крови, а намокшие брюки только прикрыли рану? Она помнила, что здесь проходит какая-то вена или артерия, сообразить точнее она сейчас не могла. Так или иначе, кровотечение само не остановится. Нужно что-то срочно предпринять.

Нужно смазать рану и оставить его лежать на боку. Она снова начала вытирать кровь. Вид обнаженных мужских ягодиц ее все-таки сильно смущал. Никогда Элла не находилась так близко от обнаженного мужчины. Если, конечно, не считать Сашу и Павлика. Но какие они были мужчины. Они были близкие и родные существа. Конечно, если бы сейчас на месте этого незнакомца был кто-то из них, ей было бы гораздо легче. Ой, испугалась Элла. О чем это я думаю! Слава богу, что это не Саша и не Павлик. Не дай, господи, чтобы они попадали в подобные передряги.

Кто-то ударил его ножом в ногу. Хотя нет, скорее, это он сам напоролся на какой-то острый предмет. Рана был рваная, с неровными краями. Кровь шла не так обильно, как она опасалась. Значит, артерия не задета. На курсах ее учили, что где-то здесь проходит важная артерия, разорвать которую для любого человека смертельно опасно. Теперь нужно обработать рану и наложить повязку. Она взяла йод. Ничего другого в доме не было. Конечно, ему придется непросто, но нужно потерпеть. Она дотронулась до раны, и несчастный дернулся, громко застонал, даже, похоже, что-то пробормотал. Она сердито зашикала на него, словно он мог ее услышать. И продолжала дальше обрабатывать рану. Теперь все было в порядке.

Через несколько минут она наконец решила снова повернуть его на спину. И здесь случилось то, чего она предвидеть не могла. Вернее, о чем совсем не подумала. До сих пор она воспринимала незнакомца как пострадавшего, нуждавшегося в срочной помощи. Ее смущал вид его обнаженного тела, она старалась не рассматривать его, сосредоточив все свое внимание на тех местах, откуда текла кровь. Теперь же она невольно окинула взглядом раздетого ею мужчину и ахнула от испуга, смешанного с изумлением.

Кроме Саши, она не знала других мужчин. Она, конечно, слышала об обряде обрезания, о разнице между евреями, мусульманами и всеми остальными мужчинами. Но как-то об этом не задумывалась. И вот теперь она с испугом и любопытством смотрела на незнакомца. Ей было стыдно смотреть на чужого голого мужчину, но она никак не могла справиться с собой и отвести взгляд. Наконец она встрепенулась, обругала себя последними словами, которые только знала. Затем встала и пошла в спальню.

Элла принесла одеяло и накрыла раненого. Все равно сейчас нельзя было одевать его. А трусы она немедленно выстирает, чтобы он мог их сразу же надеть, как только придет в себя. Она просидела перед диваном несколько часов, но незнакомец так и не очнулся. Уже отправляясь спать, она с ужасом подумала, что завтра может приехать свекровь и обнаружить в доме чужого мужчину. Впрочем, отступать уже было поздно. Раненый перестал стонать и, очевидно, заснул.

Она оставила рядом с ним стакан воды и пошла в спальню, легла на кровать, не раздеваясь, готовая вскочить по первому зову неизвестного. Ночью она спала плохо, часто вскакивая. Когда утром она вошла в гостиную, ее необычный гость уже начал приходить в себя. Он лежал с открытыми глазами, обводя комнату

растерянным взглядом.

– Где я? – спросил он.

– Я меня дома, – она чуть приподняла его голову и дала ему воды.

– Кто вы такая? – он все еще не понимал, где находится.

– Это мой дом, я здесь живу, – пояснила Элла. – Вчера вы упали прямо у порога моей квартиры и чуть не умерли от потери крови. Мне пришлось затащить вас к себе и уложить на свой диван.

– Спасибо, – прошептал он, закрывая глаза.

– Вы хотите есть? – спросила она его, выдержав довольно длинную паузу.

– Нет, не хочу, – он снова открыл глаза, посмотрел на свою забинтованную руку. Попытался пошевелиться и застонал.

– Что у меня с рукой? Кость в порядке? – спросил он. По-русски он говорил чисто, безо всякого акцента.

Элла кивнула.

– Выпейте еще воды, – предложила она, – а потом я вам кофе принесу. Вы что любите больше, чай или кофе?

– Лучше чай, – чуть улыбнулся раненый.

Она побежала на кухню. Когда через некоторое время она вернулась, он лежал с открытыми глазами.

Элла снова приподняла ему голову, подложила еще одну подушку и протянула стакан чая, который он взял здоровой рукой.

– Это вы меня сюда дотащили? – спросил он.

– Я, – кивнула Элла. – Вы ничего не помните?

– Очень мало. Кажется, я упал перед вашей дверью. А куда делись те, которые гнались за мной?

– Я их обманула, – пояснила Элла, – втащила вас к себе и вытерла кровь около двери. Потом уколола себе палец и оставила следы крови на перилах, ведущих на верхний этаж и на чердак. Они подумали, что вы убежали по крыше. Их было четверо.

– Девять человек, – возразил незнакомец, – их было девять человек.

Он потянулся к стулу, чтобы поставить стакан. Она перехватила руку и забрала стакан. Он благодарно кивнул головой и снова закрыл глаза. Помолчав немного, спросил, не открывая глаз:

– Это вы мне сделали перевязки?

– Я работала медсестрой, – пояснила Элла, – до поступления в институт.

Он открыл глаза, взглянул на нее и улыбнулся. Улыбка у него была добрая.

– Что у меня с ногой? – спросил раненый.

– Это я должна у вас спросить, – удивилась Элла, – где вы так порезались?

– Кажется, зацепился за какую-то проволоку. Когда я убегал, в меня несколько раз стреляли и попали мне в руку. Вы сказали мне правду, кость не задета?

– Я вас все нормально с рукой, скоро заживет. Вот с ногой хуже, кажется, вы рассекли себе мышцы на правой ноге. Но это тоже заживет.

– А кто меня раздевал? – вдруг спросил он. Она густо покраснела.

– Я, – выдавила Элла, – я хотела вам помочь…

Он здоровой рукой взял ее за руку, и она вздрогнула от этого прикосновения.

– Спасибо вам, – пробормотал он, глядя на нее, – спасибо вам за все. Извините, что так получилось.

Голос его звучал искренне. Элла не сомневалась, что он был ей действительно, благодарен. Она была рада, что вчера, поддавшись минутному порыву, спасла этого человека.

– Ничего, – улыбнулась довольная собой Элла, – главное, чтобы вы поправились.

– Как вас зовут? – спросил раненый.

– Элла, – ответила она. – Элла Кужелева.

– Очень приятно, – пробормотал он, – Саид Курбанов.

Она нахмурилась. Ей было неприятно, что он врет. Она же видела его карточки, его водительское удостоверение. Очевидно, по ее лицу он понял, что что-то не так. И вспомнил про свой бумажник и про свои кредитные карточки.

– Да, – сказал он после недолгого молчания, – меня действительно зовут Саидом. Вы не удивляйтесь, документы у меня ненастоящие. Поэтому там у меня другое имя.

– А я не удивляюсь. Только я не понимаю, где вы так порезались?

– На стройке, за вашим домом, – пояснил он. Она снова нахмурилась.

– Зачем вы меня обманываете? – Она не умела врать и полагала, что все люди должны были быть искренними друг с другом. – Если бы в вас кто-нибудь стрелял на стройке, шум услышал бы весь дом. Здесь знаете какая акустика.

– Они стреляли из пистолетов с глушителями, – устало сказал он, откидываясь на подушку и закрывая глаза. Потом тихо добавил: – Напрасно вы мне не верите.

Теперь ей стало неловко. Как она сразу не догадалась, что у его преследователей могло быть именно такое оружие. Но вместо того чтобы оправдываться, она спросила:

– Вам принести еще чаю?

– Нет, – он тяжело вздохнул, открыл глаза и, опираясь здоровой рукой, попытался подняться. Но боль в ноге была все еще слишком сильной.

– Наверное, напоролся на арматуру, – прошептал он.

– Вам еще повезло, – деловито сообщила Элла, – вы могли вообще проткнуть себе ногу.

Он снова попытался подняться, и у него снова ничего не получилось. Тяжело дыша и опираясь на подушку, он посмотрел на Эллу.

– Вы поможете мне встать? – попросил он.

– Нет, не помогу, – твердо сказала она, – вы не сможете ходить. Вам нужно несколько дней полежать. Я вас на ноге большая рваная рана. И прострелена рука. Еще хорошо, если ничего не случится. Я на всякий случай вечером сделаю вам укол.

– При чем тут укол? Я хочу встать.

– Вы не сможете ходить, – возразила она.

– Мне нужно встать, – настойчиво повторил он, разозлив Эллу. Больше всего она не любила в людях упрямство.

– Вам нельзя вставать, – объяснила она, – рана может снова открыться.

– Извините, – кажется, впервые за время разговора он смутился, – но мне нужно…

Он не докончил фразы, и только тут она поняла. Ведь он выпил два стакана воды и чай. Понятно, что ему хочется встать. Она снова покраснела. Ситуация была довольно драматичной и в то же время достаточно комичной.

– Если вы мне поможете, я доберусь до ванной комнаты, – тихо произнес он.

Элла закусила губу и покачала головой.

– Нет, – твердо сказала она, – я принесу вам банку, и вы сможете сделать все, что вам нужно. Я потом вынесу.

– Я не смогу, – возразил он, – мне неудобно. Вы не обязаны этого делать. Нет, нет!

– Если вас не устраивает банка, я попрошу у соседей «утку», у них есть, я знаю, – предложила Элла, вскакивая со своего места, – хотите я принесу?

– Нет, не хочу. Я имел в виду не удобство. Я в принципе не могу себе этого позволить. Я восточный человек, нахожусь в чужом доме, а вы незнакомая женщина. Скажите, вы замужем?

– Это имеет отношение к банке? – засмеялась Элла.

– Я вас обручальное кольцо, – Саид посмотрел на ее руку, – значит, вы замужем. Или разведены?

– Нет, я замужем, – торопливо сообщила она, – и у меня прекрасный муж и замечательный сын. Они в отъезде и, кстати, пока еще про вас не знают. Но, возможно, сегодня они уже вернутся, – сказала она неожиданно для самой себя – так, на всякий случай, как будто застраховывая себя от возможных неожиданностей.

– Тем более, – вдруг сказал Саид, – у вас есть муж. Как он посмотрит на это? Я думаю, будет лучше, если вы позволите мне встать и поможете добраться до ванной комнаты. Поймите, что это не каприз. Помогите мне.

– Нет, – с прежней настойчивостью возразила она, – сегодня вам нельзя вставать. Я пойду к соседям.

– Подождите! – голос его сорвался на крик. Она замерла, испуганно взглянув на него.

– Не нужно ходить к соседям, – попросил он устало, очевидно, на крик ушли последние силы, – те люди… В общем, те люди, которые меня преследовали. Они достаточно умны. Они знают, что я ранен, видели кровь. Они поймут, что я спрятался в одной из квартир этого дома. Они будут следить за домом. Под любым предлогом придут проверять все квартиры. Если они меня найдут, пощады не будет никому. Ни мне, ни вам, ни вашим близким… – Он закашлялся, замолчал, затем снова продолжал: – Если вы возьмете «утку» и соседка расскажет об этом во дворе, они сразу все поймут. Они будут следить за домом несколько дней. И если не обнаружат ничего подозрительного, уйдут. А если что-нибудь покажется им странным, они останутся здесь и рано или поздно окажутся в вашей квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/abdullaev_chingiz/mudrost-palacha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити